

детектив – событие

Евгения Михайлова

Женщина с глазами Мадонны

Евгения Михайлова
Женщина с глазами Мадонны
Серия «Детектив-событие»
Серия «Частный детектив
Сергей Кольцов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18560175
Женщина с глазами Мадонны : [роман] / Евгения Михайлова: Э;
Москва; 2016
ISBN 978-5-699-88965-5

Аннотация

Вера давно стала для мужа лишь домработницей. Устав быть невидимкой, она решила стать другим человеком в салоне красоты «Шоколад». Незаметно салон стал ее вторым домом, и Вера даже приняла приглашение на вечеринку...

На нее Ксения позвала знакомых мастеров и клиентов. Но праздник закончился убийством ее любовника, красавца-манекенщика по прозвищу Нарцисс...

Частный детектив Сергей Кольцов сразу узнал: убийство Нарцисса стало уже не первым в череде преступлений, и все они ведут в салон красоты «Шоколад». Неожиданно в это дело оказалась замешана Вера, женщина с глазами Мадонны...

Страшно, когда некто возомнил себя богом и стал вершить чужие судьбы. Если не встать у него на пути, кто знает, куда может завести иллюзия всемогущества?..

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	79
Глава 13	89
Глава 14	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Евгения Михайлова

Женщина

с глазами Мадонны

© Михайлова Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается великому эксперту-криминалисту
Александру Васильевичу Маслову. Другу,
которого нет.*

Все события и персонажи романа – вымышленные.

*«Зайдите к нам – вы попадете в мир
блаженства, в сладкую ловушку, из которой
не захочется уходить. Мы ждем вас!»*

Часть первая

Вход

Глава 1

Вера нажала серебристую кнопку, раздался мелодичный звонок, стеклянная дверь приоткрылась. Она вошла в маленький, уютный холл с зеркалами от пола до потолка по обе стороны и перед тем, как пройти в арку, посмотрела на свое отражение.

«Ужас, – сказала мысленно Вера. – На кого ты похожа!»

Темно-русые, не очень густые волосы, заколотые на затылке, казались тусклыми, вялыми, запущенными. Лицо слишком обычное. Хотя глаза большие, голубые и кожа неплохая, ровная, бледно-розовая, как у большинства светлых блондинок, но какое-то оно неухоженное, это лицо. Чего-то не хватает. То есть всего не хватает.

Вера не пользовалась косметикой не из принципа и не потому, что у нее не было времени в связи с работой и домашними заботами. К тому же она нередко заходила в хорошие магазины косметики, где уверенные красивые женщины сразу брали то, что им нужно. А вот Вера не знала, что ей нужно. Спросить стеснялась. Почему-то именно в этих ма-

газинах она очень стеснялась. И когда к ней подходила девушка-консультант с вопросом: «Вам помочь?», Вера отрицательно мотала головой и быстро хватала то, что рядом. Помаду, не рассматривая цвет, или тон, или тушь, какую придется. И шла к кассе с тяжелым сердцем. Надо бы положить обратно, повыбирать, изучить пробники, но неудобно. А чем дело кончится, ей всегда было ясно. Помада всегда оказывалась слишком яркой и делала ее нежное лицо вульгарным. У мужа была дежурная шутка по поводу того, что она с накрашенными губами похожа на вампира. Тушь, конечно, подчеркивала ее длинные, светлые ресницы, но у сыночка Игоря было такое же чувство юмора, как у отца, и он мог спросить: «Мама, ты глаза сапожным кремом намазала?» А тональный крем и пудра ей самой казались штукатуркой, превращавшей лицо в маску. И она бежала в ванную все срочно смывать.

Вере было сорок лет. На работе говорили, что она выглядит моложе тридцатилетних. Одевалась она всегда просто и удобно. А удобно ей было носить короткие джинсовые и полотняные юбки, майки, подчеркивавшие и приоткрывавшие очень красивую полную грудь, балетки. Если ей говорили, что она выглядит сексапильно, она смеялась, искренне считая это шуткой. В результате из-за этого Вера лишилась своей единственной подруги Тамары, с которой ездила отдыхать в Турцию или Египет. Муж никогда с ней в отпуск не ездил, потому что, как он говорил, весь год мечтает

об отдыхе. А отдых – это родной диван и футбол по воскресеньям.

На юге жгучие мужчины проходу Вере не давали. Но она реагировала спокойно, ей излишнее внимание было безразлично. Тамара же постоянно шипела в ухо: «Соглашайся, если куда-то пригласят. Или к нам позови». Вера удивленно отвечала: «Ты что, они же напьются и не отстанут, а я спать ночью хочу. Мне нужно купаться в шесть утра». Дружба с Тамарой закончилась для Веры непонятно и так драматично, что, вспомнив, она и сейчас вздохнула прерывисто, со всхлипом.

– Ты тупая и нудная, – однажды прокричала ей Тамара. – Тебя невозможно выносить. Сиди дома и жди внука, твой Игорек уже по бабам ходит.

– Ты что? Почему ты так говоришь со мной? – в панике спрашивала Вера. – Скажи, может, я тебя чем-то обидела?

– Ну, тупая, – повторила Тамара и перестала отвечать на ее звонки.

Вера ездила к ней на работу в аптеку, продолжала спрашивать, что случилось, будут ли они и дальше ездить на море. Тамара смотрела мимо нее, демонстративно доставала телефон, начинала кому-то звонить и долго разговаривать. И Вера, наконец, согласилась с тем, что она тупая, нудная, попыталась с этим жить.

Потом вдруг посмотрела на себя со стороны и поняла – да она же невидимка. В гостях и на улице к ее мужу при ней

клеятся женщины, в том числе ее одноклассницы. А супруг руку к ней протягивает только за тарелкой. А Вера думала, что это ее достоинство – то, что хорошо готовит. В результате Виктор, который и женился-то вроде бы по любви, ее просто не видит. Получилось, что он просто выбрал себе индивидуальный ресторан для постоянного проживания.

Сын. Сынуля... Она встает на цыпочки, чтобы его поцеловать. Он смеется: «Ма, ты или каблуки двадцать сантиметров носи, или с табуреткой ходи. Так нам уже неудобно». Игорь-ку хорошо с ней, его девушкам тоже. И Вера вдруг осознала: они ее не видят, потому и хорошо. В общем-то, человек она не слабый, в чем-то настойчивый, а тут в такую тоску себя вогнала, что поделилась этим с одной соседкой – Тоней, дочь которой водила по выходным в театры и на выставки. И просто помогала им. Потому что сама Тоня очень неудачно сломала ногу – повредила коленную чашечку. Была непростая операция, теперь в колене – пластина, ее предстоит снимать, когда сломанные кости срастутся. Обидно, что на ровном месте, рядом с домом. Просто гололед – национальное бедствие.

Тоня сидела в кресле и внимательно слушала. Потом попросила:

– Встань, пожалуйста.

Вера послушно встала с дивана, полные ноги ровно, руки по швам. Тоня посмотрела на нее оценивающим взглядом и, наконец, вынесла приговор:

– Да, ты исчезла. Вроде бы есть, а вроде бы нет. Я хорошо помню яркую, заводную девочку из нашего двора. Синеглазую, хохотушку. Ты играла в футбол с мальчишками. Ты пела под гитару очень приятным голосом. Где твой голос вообще? Ты говоришь бесцветно, без выражения, как могло бы говорить лампадное масло. Кажется, у кого-то из писателей есть такое сравнение. Ты стерта и своей подругой, и Виктором, добрым вообще-то мужиком, и сыном, который тоже отличный парень во многом благодаря тебе, но я понимаю, почему он перестал тебя видеть. Тебя нет. Я испытываю к тебе такую благодарность за то, что ты нам помогаешь, а посмотрела на тебя, как будто впервые. Вера! Ты нам всем разрешила тебя стереть!

– Что же делать? – спросила Вера, по-прежнему держа руки по швам. И подумала, что действительно у нее голос какой-то бесцветный, как это самое масло.

– Знаешь, есть единственное решение, которое раньше казалось мне тупым. А сейчас почему-то не кажется. Ты трастишь такие деньги на разносолы для своих мужиков. Потрать немного на себя. Или даже потрать побольше, без настоящих профи ничего не получится. Попробуй сходить в очень хороший салон красоты. И сделай все, что они посоветуют.

– Ну, они насоветуют, чтобы обобрать до нитки, – в ужасе сказала Вера. О том, что умрет там со стыда, – подумала, но говорить не стала.

– Да брось ты ерунду говорить! Как бабка деревенская.

Оберут! До нитки! Надо попробовать. И посмотреть, что получится.

– А почему раньше это решение казалось тебе тупым? – спросила Вера, чувствуя себя двоечницей.

– Я думала, человек должен измениться в первую очередь изнутри. Внешность – вторична. Она отражает внутренние перемены. Но в твоём случае...

– В смысле – я настолько безнадежна? Тупая?

– Да нет. Совсем не тупая. Это же ты заметила, что стала невидимкой, – спокойно сказала Тоня. – Просто мнения иногда нужно менять, чтобы они не становились догмами. Вот я сейчас и поменяла.

Вера от волнения покраснела, прерывисто вздохнула. Нет, она ни за что не спросит, лучше дома в гугле наберет. И тут же спросила:

– Тонь, а что такое догма?

– Как тебе сказать. Это примерно то же, что аксиома в математике, но доведенная до абсурда. То, обо что мысль спотыкается и дальше не идет.

– Спасибо, – кивнула Вера. – Буду знать. Так я побежала? Ужин пора готовить. А в какой салон пойти?

– Да неподалеку от нас есть один из лучших в Москве, и не такой дорогой, как в центре. «Шоколад».

– Я видела, конечно, – сказала Вера, и сердце у нее отчаянно заколотилось от волнения. Она побоится. Нет, она сможет!

И вот пришла. Вера переступила порог, оказалась в совсем простом, но каком-то очень приятном помещении. Записалась она заранее, и к ней навстречу уже шла, улыбаясь, симпатичная блондинка:

– Вы Вера Симонова? Здравствуйте, меня зовут Ирина. Как хорошо, что вы пораньше пришли. Сейчас как раз у мастеров окно, вы можете сразу выбрать, к кому пойдете.

– Здравствуйте, Ирина. Знаете, я сама не выберу, наверное.

– Да, я помню, вы сказали, что вам нужно практически все. Но начнем-то с чего?

– А подскажите мне, с чего начать?

Взгляд Ирины стал серьезным, сосредоточенным, когда она посмотрела на Веру.

– Я думаю... Знаете, сегодня нам крупно повезло, в салоне работает наш лучший парикмахер. К нему приезжают со всей Москвы. Если человек точно не знает, что ему нужно, то это к Владимиру. Он сам выберет цвет, форму, стиль. Сейчас он еще занят, но освободится минут через пятнадцать. А вы пока отдохните вот за этим столиком, я принесу вам кофе. Со сливками?

– Да, – обрадовалась Вера. Ее всегда успокаивала тема еды, напитков. Это была ее тема. Только дома она сама всегда подавала, а тут ее обслужат.

Вера села на бежевый кожаный диван, аккуратно взяла один из ярких, глянцевых журналов. Боже, какие прически!

Она представила, как входит в квартиру с таким светящимся сооружением на голове, муж и сын на нее изумленно смотрят... и падают в обморок. Она чуть не рассмеялась вслух.

— Вот и кофе, — сказала Ирина. — А вот очень вкусные шоколадки. У нас всегда вкусный шоколад. Название обязывает.

Она перехватила вопросительный взгляд Веры и дружески улыбнулась.

— За это платить не нужно. И еще: у всех мастеров одинаковые расценки. У лучшего, как у всех.

— А почему вы мне это сказали? — спросила Вера, она всегда уточняла то, что ей было непонятно. — Я показалась вам такой жадной?

— Ну что вы, — рассмеялась Ирина. — Я просто вас информирую. К нам потому и ходят постоянные клиенты, что мы не стараемся сразу предложить что-то очень дорогое. Наоборот: мы хотим вам понравиться во всех отношениях. Приятного аппетита, Вера. Мы вас позовем, когда мастер освободится.

Вера откинулась на спинку дивана, с наслаждением глотнув кофе. Ей вдруг стало так хорошо, что она совсем забыла, что шла с намерением записываться только к женщинам. Чтобы не так стесняться. У нее же на голове не волосы, а стыдоба.

Время пролетело так быстро, что она удивилась, когда дверь из матового стекла с узором раздвинулась и из сосед-

него зала вышла высокая элегантная дама с темной роскошной гривой волос, приподнятых над гладким лбом, прилегающих к вискам, а завершали это великолепие две тонкие золотистые пряди. Вера про себя охнула, внутренне заметалась: не сбежать ли? С чем она пришла! Три пера на ее голове так не уложишь. Но не успела. Перед ней стоял шикарный мужчина, стройный, длинные ноги в бледно-голубых джинсах, и с таким лицом, с такой улыбкой... Да она в кино подобных красавцев не видела.

– Здравствуйте, Вера. Я – Владимир. Вы записывались на прическу?

Глава 2

Высокая элегантная женщина с волной прекрасно уложенных темных волос вышла из салона красоты «Шоколад» и остановила такси.

– В центр. Чистые пруды, дом я потом скажу. Сначала заедем в один магазин, – женщина говорила низким и властным голосом, но неожиданно улыбнулась седому таксисту. – Кое-что присмотрела и сейчас поняла, что это мне необходимо.

– Конечно. Как скажете, – вежливо ответил водитель. – Раз необходимо, значит, нужно покупать.

Дама попросила остановиться у маленького ювелирного магазина. Без сомнения, очень дорогого. Она велела таксисту ждать и вошла как человек, который бывал здесь не раз. В магазине, как обычно, не было покупателей, это является главной загадкой существования подобных бутиков. Девушка-менеджер в очень стильном серебристом платье-халатике поспешила посетительнице навстречу.

– Добрый вечер, Елена Анатольевна.

– Здравствуй, деточка, – небрежно ответила дама: она не запоминала обслуживающий персонал по именам. За редким исключением, коим, несомненно, был красавец парикмахер.

– Как вы сегодня прекрасно выглядите, потрясающая при-

ческа!

– Да, у меня отличный мастер. Телефон не просите, не даю.

– И я вас понимаю, – улыбнулась девушка. – Пройдем к новинкам?

– Нет, – сказала Елена Анатольевна. – Приехала в третий раз взглянуть на то кольцо. Если окажется, что оно по-прежнему мне нравится, – беру.

Когда она подошла к нужному прилавку, черная бархатная коробочка с золотым тиснением названия известной фирмы была уже в руках продавщицы. Она открывала коробочку медленно, осторожно, торжественно.

– Это то, что я мерила? – уточнила Елена.

– Такое кольцо у нас одно, – ответила продавец.

Она подала Елене крупный перстень розового золота с выложенными горкой крупными разноцветными топазами. Под яркими светильниками каждый камень заиграл своим оттенком, словно лучом света. Цвета камней подобрали так искусно, что лучи не смешивались и не создавали дешевого блеска. Кольцо было нарядное, праздничное и радовало глаз.

Елена надела перстень на безымянный палец левой руки и протянула ладонь вперед, глядя издалека на украшение, мысль о котором преследовала ее весь день. Девушки-продавщицы, что преданно смотрели на дорогую покупательницу, быстро переглянулись. Они многое сказали друг другу взглядами. Этот необычайно яркий и красивый перстенок

на тонкой, ухоженной руке с длинными пальцами вдруг сразу раскрыл секрет женщины без возраста. На руках морщинки не подтянешь, как на лице и шее. И суставы не отшлифуешь. А Елена подняла глаза, продолговатые блестящие глаза, не обрамленные морщинками, и улыбнулась кончиками слишком правильных губ, выдающих работу хорошего пластического хирурга.

– Я поеду в нем. Пусть привыкает ко мне. Выписывайте.

Она все поняла и явно наслаждалась тем, что казалось ей маленькой завистью маленьких людей. Никогда эти девушки не станут дамами, которые могут позволить себе все. Даже независимость от возраста. И количество денег тут ни при чем. Просто не все в этом мире равны.

Елена расплатилась, положила в сумку завернутую в золотистую бумагу коробочку, кивнула и вышла из магазина. В такси она села на заднее сиденье, расслабила прямую спину, вытянула сильные, тренированные ноги, положила на колено левую руку и не отрывала глаз от ярких камней нового украшения. Она точно знала, почему выбрала этот перстень. Елена любила читать камни. И в этих топазах видела ту жизнь, которой хотела бы жить. Периоды – синий, желтый, бордовый, фиолетовый, золотой... И лететь по радуге с легкой душой, открыто, не отбрасывая даже тени, вечный карнавал. А ее жизнь другая, но это ее жизнь, и так уж суждено.

Однажды она купила дорогой комплект из черного австралийского опала – серьги и кольцо. Большие камни, абсо-

лютно черные с бледным плавающим лучом, и лишь в центре колье – овальный камень с красными вкраплениями. В магазине ей это необычайно шло. Украшения роковой женщины. Но той ночью – она очень хорошо помнит ту ночь – она праздновала свою очередную победу. Одна. Она всегда празднует одна. Налила бокал шампанского, надела свои опалы, подошла к зеркалу – поздравить свое отражение. И рука дрогнула. Из зеркала на нее смотрела смерть. Сначала упал на пол бокал, потом она сорвала колье и следом серьги – одна мочка так и осталась поврежденной, – и топтала эту красоту ногами. Елена очень быстро успокоилась, но навсегда усвоила тот урок: камни – предатели. Никогда нельзя носить то, что слишком многое или все о тебе расскажет.

Такси остановилось в переулке, кончающемся тупиком, Елена расплатилась, вышла, открыла своим ключом калитку узорчатой ограды старого кирпичного дома. В доме горело всего несколько окон. Она вошла в один из двух подъездов, поднялась по очень широкой лестнице на второй этаж, открыла четыре замка в тяжелой, двойной металлической двери.

В холле стоял и смотрел на нее странный мужчина – крупный, высокий, с шапкой как будто никогда не стриженных волос, в которых местами блестела седина, с такой же неухоженной бородой. Глаза у него были круглые, испуганные и будто бы больные. Но черты лица неправдоподобно красивые. Как на полотне старого мастера. Елену это всякий раз

поражало. Но он никак не соглашался поехать с ней к художникам и не разрешал пригласить мастера домой. Он не любил людей. Или боялся?

– Здравствуй, Андрей, – сказала она. – Ты не ужинал, сынок?

Глава 3

Вера сидела перед огромным зеркалом, но смотрела не на себя, а на мастера за спиной. Старалась это делать незаметно, исподлобья. Парикмахер, конечно, невероятно привлекательный мужчина. Но она смотрела на него по другой причине. Он ее видит или, как все, нет? Просто голова с жалкими волосами? А вдруг ему противно после той шикарной дамы? Тогда надо все быстро сворачивать и бежать отсюда впереди собственного визга, как говорит муж Витя.

– У вас есть какие-то идеи относительно цвета, формы, стиля? – спросил Владимир. – Я видел, вы смотрели журналы.

– Ой, – покраснела Вера. – Какие у меня могут быть идеи? Вы же видите, на кого я похожа!

– Так, – улыбнулся Владимир. – Психологические проблемы. Сначала женщина надолго о себе забывает, теряет себя, а когда находит – не может понять, где та, которую она потеряла. А найденная ей не нравится.

Вера стала пунцовой от того, что мужчина еще и умный, и так здорово сказал, что она теперь в ответ боится глупость ляпнуть.

– Угу, – кивнула Вера.

– Как я понимаю, вы никогда не красили волосы. И это хорошо. Все натуральное – очень хорошо. Просто у вас

необычная внешность. Вы практически шатенка, прямо скажу, с довольно тусклым цветом волос, а глаза и кожа, как у очень светлой блондинки. Поэтому вы так легко краснеете от любых эмоций. Полагаю, нам стоит что-то подкорректировать.

– Можно я скажу? – Вера, к своему ужасу, подняла руку, как на уроке. У нее была такая дурацкая привычка с детства, и над этим шутили все кому не лень. – Я терпеть не могу блондинок. Ну то есть могу, конечно, они бывают и хорошие... Но я не хочу быть блондинкой. И меня муж в дом не пустит.

– Понял. Нет, конечно, я не собираюсь вытравить ваши волосы перекисью водорода. Это будет очень хорошая краска, и я вам подберу нужный тон. Стрижку будем делать уже в зависимости от нового цвета. Длина?

– Может, вообще... – Вера сделала решительный жест, как будто отрубила свои волосы по уши. – Так надоели эти резинки, заколки.

– Посмотрим, – задумчиво сказал Владимир. – Давайте сделаем так. Красимся, стрижемся, как мои руки пойдут... А где-то через недельку вы придете еще раз, и тогда будет ясно, что делаем с длиной. Совсем коротко точно не нужно. Вам не в армию. Предлагаю укладку с биологическим составом, который сделает волосы пышнее и послушнее, чтобы резинка не понадобилась.

«Уже разводит на деньги? Или хочет как лучше? Да что

с меня взять? Не видно, что ли? Может, все-таки как лучше хочет?» – в панике заметались мысли. Но ответила Вера просто:

– Как скажете.

– Отлично. Когда покрасимся, Ирочка сварит вам еще кофе, чтобы вы все-таки перестали волноваться и отдохнули.

– Ага, – выдохнула Вера, как девчонка-школьница, и на всякий случай зажмурилась.

В общем, ничего она не поняла, кроме того, что ей приятно. Ей чем-то невероятным помыли голову, потом сушили мягким полотенцем, она пила кофе и досыхала. Потом Владимир ходил вокруг с озабоченным взглядом, как художник, потом что-то наносил кистью на ее волосы, как на картину. Эта мысль чуть не заставила Веру рассмеяться, но она сдержалась: положение дамы, за которой так ухаживают, уже обязывает. Пока волосы были мокрыми, она вообще не замечала изменения цвета, потом их опять мыли, сушили полотенцем, в третий раз кофе Вера попросила сама. Это ведь большой вопрос – вернется ли она сюда за продолжением. А пока ей хорошо.

После стрижки Владимир чуть приподнял и легко уложил волосы феном. У Веры был, конечно, фен, и не один. Но перед работой в шесть утра ей удавалось только обжечь себе ухо или щеку, плюнуть и бежать, собрав волосы заколкой. Результат нулевой. А тут... Когда парикмахер снял с нее нейлоновую пелеринку в рюшах, Вера встала и захлопала

глазами от удивления. Как кукла. Она не стала блондинкой, как себе это представляла. Ничего похожего на отбеленную паклю. Волосы посветлели, конечно, но они вообще не кажутся крашеными. Они просто как-то засияли. Лоб закрывала аккуратная косая челка. С другой стороны, легкие волосы обнимали открытый висок. Это показалось Вере очень красивым. Никогда бы ей не пришло в голову разглядывать свой висок. И глаза такие голубые, как будто именно их покрасили. Стрижка полукругом кончалась на затылке, и это было так... «Вот, честное слово, – подумала Вера, – как у той шикарной дамы. Просто я не такая шикарная. И вообще не дама». Она быстро поставила себя на место. А то высоко себя поднимешь, больно уронят родные и такие смешливые мужчины. Одно было ясно: Вера придет сюда опять.

Она поблагодарила, расплатилась картой, сердце чуть дернулось от суммы, но вообще-то это из ее «зачатки». Была у нее такая привычка – откладывать понемногу, иначе тапки себе не купишь, все на еду уйдет.

Вера записалась на следующий визит к Владимиру и на сеанс к косметологу. Ну, понеслась... Осуществлять «тупую» идею соседки Тони. А вдруг все опять Веру увидят? Что для Тони тупая идея, для Веры, может, и умная. Такой человек ею занимался часа два! Она вышла в зеркальный холл, опять задумчиво на себя посмотрела. Что-то изменилось точно. Но не настолько сильно, чтобы соседи пальцами показывали. Вера только собралась открыть дверь на улицу,

как та распахнулась, и в салон стремительно ворвалась, едва не свалив Веру с ног, худая стильная девушка со смуглым лицом и стрижкой ежиком – откровенно белого цвета, что почему-то ей шло. Девушка выдохнула запах сигареты и произнесла довольно хриплым голосом:

– Тьфу ты! Я не задавила тебя?

– Нет, – спокойно ответила Вера.

– Ну и отлично. Обычно я давлю людей, как танк, – девушка хохотнула и, бесцеремонно отодвинув Веру в сторону, ринулась вперед.

– Привет, Ирустик, – услышала Вера за спиной голос девушки.

– Здравствуйте, Ксения, – вежливо ответила девушка на ресепшене.

Вера сделала вывод, что девушка непростая. Она может обращаться к Ире на «ты», а та не может. Да, какой-то пласт жизни однозначно проходит мимо Веры. Плохо быть невидимкой.

Когда она открыла дверь квартиры и вошла в гостиную, где сын и муж смотрели телевизор, они не сразу оглянулись.

– Наконец-то, – сказал Виктор, сидя к ней спиной. – Я не могу пропустить этот матч, а мальчик, между прочим, вернулся голодный.

– Вообще-то все готово. Можно разогреть, можно так есть. И мальчику, и мужу.

Они повернулись. Какое-то время оба смотрели на Веру,

а она на них. Какие у них шуточки на сегодня?

– Ничегосе... – выдохнул сын. – Па, это мама?

– Да, – не сразу и серьезно сказал Виктор. Шутки не нашлось. – Ты хорошо причесалась. Дорого?

– Бесплатно, – ответила Вера. – Сегодня благотворительность. Просто так стригут нищих и бомжей.

– Ты обиделась? – встал Виктор.

– Нет. Я пошутила.

Глава 4

Ксения пробыла у косметолога часа полтора. Она делала общую эпиляцию. Смуглая брюнетка от природы, она не выносила даже минимальной растительности на теле и всерьез подумывала о том, чтобы избавиться от ежика на голове, ведь форма черепа у нее хорошая.

Ксения терпеть не могла брюнеток, ей нравились женщины, похожие на кукол, – со светлыми локонами и большими яркими глазами. Но сама она ни за что не хотела бы стать похожей на таких кукол, быть слишком женственной, нежной, зависимой. Она чувствовала себя рядом с ними суперчеловеком. Она свободна! Даже от тяжелых комплексов юности. Когда-то она просто ненавидела свою внешность. Эти черные, жесткие, непокорные волосы, эту кожу, смуглую в любое время года, которая покрывалась предательскими темными волосками даже на лице, выдавая бурлящие гормоны...

Но однажды Ксения поняла, что все проблемы решаются, и нашла это место, где милые, культурные, профессиональные люди умеют держать дистанцию. Ну да. Нарушение ее личного пространства, особенно в таком интимном деле, как эпиляция, способно привести ее в ярость.

«В принципе, – потянулась на удобном лежаке Ксения, отдыхая после процедуры, – иногда ярость полезна, способ-

ность подчинять себе людей, вызывать у кого-то страх даны совсем не многим. Не паранойя, когда человек беспомощнее тех, кого хочет напугать, а сила. Реальная сила». Ксения считала себя сильным человеком. Да, многие в этом не сомневались, но все равно недооценивали ее силу. Лишь сама Ксения способна поставить себе оценку. Хотя еще далеко не «отлично», не на всех уровнях она себя проверила.

Ксения резко поднялась, решительно натянула на голое тело джинсы-стрейч и черную майку без рукавов. Белья она, само собой, не носила, но это не бросалось в глаза: у нее была маленькая грудь. Одежды для разных времен года для Ксении не существовало. Это тоже ограничение свободы. Да и не мерзла она никогда.

– Спасибо, Светик, – сверкнули в широкой улыбке крупные белые зубы. – До скорых, как говорится, встреч.

– До свидания, Ксения, – мягко ответила женщина с открытым, приятным лицом. – Мы всегда вам рады.

Когда клиентка вышла из кабинета, Светлана облегченно вздохнула. Эта девушка неглупая, интересная, в толпе точно не затеряется, и, в принципе, она хорошо к Свете относится, но после ее визитов Светлане не по себе, может быть, ей просто кажется, но у Ксении очень тяжелая, плотная аура. Светлане приходится очень напрягаться, чтобы не ускорить процедуру, делать все в точно рассчитанном, спокойном режиме.

Светлана обработала кабинет, помыла и продезинфици-

цировала руки, а потом сделала энергичную гимнастику для пальцев и кистей. Странное ощущение у нее возникает именно во время работы с Ксенией: руки как будто сводит. Она всегда оставляет себе пятнадцать минут перерыва после этого сеанса. И дело не только в руках: эпиляция – это в принципе очень сложная работа. От нее устаешь, словно силы уходят. Света умела находить всему логичные объяснения. И считала, что усталость и подавленность от того, что она очень близко находится не просто рядом с лицом и телом другой женщины, которой обязана помочь в самом главном стремлении – к совершенству, она невольно погружается в туман чужих проблем, страстей, настроений. Ее могут не замечать, как инструмент, но она-то живой, восприимчивый, иногда слишком впечатлительный человек.

Светлана вышла из своего кабинета и осторожно заглянула в соседний, к подруге Ларисе. Увидела, что Лариса делает Ксении педикюр, послушно кивая в такт какому-то монологу, произносимому хрипловатым, всегда громким голосом. Ксении не нужен собеседник, только покорный и согласный слушатель. Такой она человек.

Света зашла в комнату отдыха, заварила себе чай, села на мягкий диван и мысленно перенеслась к своей дочери Маше. Та после школы, конечно, сходила уже на художественную гимнастику, вернулась домой, разогрела обед, не торопясь поела и помыла посуду. Взяла, как обычно, большое яблоко и пошла в свою комнату, чтобы съесть его в кро-

вати, а потом поспать. Света улыбнулась. Ее дочка любила все. И школу, и гимнастику, и даже делать уроки. Но больше всего любила поесть и поспать. Иногда, вернувшись домой, Светлана обнаруживала в руке сладко спящей Маши яблоко, которое девочка не успела доесть, так одолел ее сон. Машенька – редкое сокровище. Она уже в восьмом классе, но во многом осталась такой, какой была и в детсаду, и в первом классе. Не по развитию, конечно. Дочка у Светы умница – способная, старательная, начитанная. Но она сохранила детские добродушие и доверчивость. И еще она такая красавица. Света не хвастается, но часто говорит об этом самой Маше. А она очень любит, когда ее достоинства замечают другие люди.

Вот и прошла тяжесть. Горячая волна нежности просто затопила Свету, когда она представила себе круглое, кареглазое личико дочери с ямочками на щеках, ее плотную, но складную фигурку. Маша записалась на гимнастику, потому что решила стать тростиночкой. Не стала. К тайной радости Светы. Боялась она этих девчоночьих идей с похудением. Всегда с ужасом смотрела на фото анорексичек, да и не только на фото. У нее были такие клиентки. Нервные, дерганные, уязвимые, жалкие... Как можно вступать в сложную жизнь с хрупкими косточками, обтянутыми сухой кожей! В общем, Маша себя сохранила, потому что больных идей у нее не бывает. И голодать она себя точно не заставит. Ее приятная полнота нисколько не мешала ей быть од-

ной из лучших гимнасток в школе. Природа дала ей легкость и грацию. Вот такая золотая девочка. Вчера звонил Машин отец – Григорий. Они со Светланой развелись несколько лет назад из-за его пристрастия к спиртному. Он столько раз «завязывал», что Света совсем перестала ему доверять. Сама, может, и терпела бы: он не буянил, не водил домой собутыльников, – но девочке не нужно видеть отца, от которого несет перегаром, который вдруг начинает нести какую-то чушь, хотя на самом деле человек неглупый. Но деградация – вещь жестокая. Маша хорошо относится к отцу, вот пусть и продолжает так относиться, когда он приходит раз в неделю – трезвый, собранный, адекватный, хорошо одетый и побритый. Света хочет, чтобы Маша видела только таких мужчин. Девочке ведь придется когда-то делать выбор. Он должен быть спокойным и точным. А не от противного, когда девушка, насмотревшись на пьяного отца, может попасть во власть трезвого, но жестокого или, к примеру, алчного человека. Гриша согласился со Светой. Расстались они не трагически, без скандалов, тем более у него была квартира матери, и имущество не делили.

Он приходил к ним в нормальном состоянии, но Света немного устала от того, что каждый раз приходилось бояться: а вдруг явится пьяным? Любовь давно прошла, но она не имела права лишить Гришу возможности видеться с дочерью. От воспоминаний о бывшем муже опять испортилось настроение. Светлана знает, что он хочет вернуться. Он мо-

жет попытаться вызвать жалость у дочери. Маша пожалеет. Но не нужно это никому из них. Света вообще была уверена в том, что никогда не позволит себе повторить опыт замужества. Что для нее все эти страсти и влюбленности, которые так отравляют жизнь других женщин, – ничего не значат. Что сравнится с продуманным покоем? С жизнью, в которой нужно заботиться только о Маше? Да, в этом и только в этом был смысл ее замужества – дочь. Есть Машенька – и достаточно.

Света вышла из комнаты отдыха как раз в тот момент, когда Ира подавала кофе следующей ее клиентке. Крупная дама с круглым лицом и тяжелым подбородком радостно улыбнулась Свете.

– Здравствуйте, Валентина Васильевна. Спокойно допивайте. У нас есть время, я вас жду.

– Да, – кивнула клиентка. – А я так боялась опоздать, кофе не стала дома пить.

Валентина Васильевна практически поселилась в салоне. Она делала все существующие косметические процедуры, особенно любила маникюр и педикюр. Очень часто стриглась, причем у всех мастеров подряд. Предпочитала крутые кудряшки. И еще она всех грузила своими делами и настойчиво требовала совета. Она, конечно, выглядела достаточно ухоженной, но красивее, чем была от природы, не стала. И иногда немало утомляла. Но к Валентине Васильевне все относились хорошо, как к общей родственнице. Здравствуй-

те, я ваша тетя.

Из кабинета Ларисы вылетела Ксения, круто свернула, чтобы не сбить с ног Светлану, быстро расплатилась, на ходу натянула легкую спортивную куртку и, прижав к губам ладонь, сдула с нее в сторону всех присутствующих воздушный поцелуй.

— Пока-пока, девочки-мальчики, скоро позвоню, я вас покидаю.

Широким шагом Ксения пересекла холл, вышла на улицу, на стоянке села в свой иссиня-черный «Лексус», выехала на проезжую часть и ловко встроилась в довольно плотный ряд, который двигался к ближайшему перекрестку.

Она маневрировала в потоке машин, не снижая скорости. Вдруг перед ней запетлял мотоциклист. Ксения чуть не врубилась в него. Выругалась, дала задний ход, потом опять рванула, проскочила на поворот... И почувствовала, как машина стукнула что-то мягкое на переходе. Она опять дала задний ход, выглянула в окно... Уже стемнело, но было видно, что плохо дело. На переходе лежала женщина и, кажется, ребенок. Кто-то из прохожих бросился к лежащим, какая-то машина попыталась перегородить дорогу Ксении, но она умело вильнула и умчалась на бешеной скорости...

Глава 5

Вера открыла своим ключом входную дверь квартиры Тони, которая жила на пять этажей ниже. Так они решили, чтобы Тоне лишний раз не вставать и не тревожить больную ногу. Перед тем как спуститься, Вера всегда звонила по телефону. Позвонила и на этот раз. Но о том, что она была в салоне, не сказала. Вошла в гостиную в своем домашнем темно-синем брючном костюме из велюра и молча уставилась на соседку. Та лежала с книжкой на диване, дочитала страницу, неторопливо отложила книгу на журнальный столик, подняла глаза на Веру и улыбнулась.

– Вера! Вот ты стоишь, такая надутая и нахмуренная, потому что приготовила речь? Ты хочешь сказать мне: «Ну, и что? Вот я отдала целую кучу денег, как ты советовала, а ты меня по-прежнему не видишь!» Так вот: я вижу тебя. Ты там была! Не то чтобы первый приз на конкурсе красоты. Ты лучше! Там все одинаковые. А ты стала похожей на себя, ту, прежнюю.

– Правда, что ли? – напускная серьезность слетела с Веры. Глаза распахнулись, как у ошарашенного ребенка. – Тебе нравится?

– Дело не в этом. Дело в том, что нравится тебе. А я... Ну, может, постричь тебя можно было короче, еще больше осветлить, уложить как-то пышнее. Но это не тот шерстяной

носок, который ты носила на голове вместо волос.

– Так. Ты никогда не врешь. Значит, он меня не разводит на деньги, потому что я еще записалась. Как раз чтобы откорректировать длину, сделать укладку пышнее с каким-то биораствором... Даже странно. Как это у вас совпало. Ты случайно не устроилась к ним работать диспетчером на телефоне?

– Вера!

– Только не называй меня душой. Я обижаюсь, даже если это правда. Я просто тугодумка. И ты не обижайся. Я же сказала, что ты никогда не врешь. Я еще к косметологу записалась. Вот этого очень боюсь. Кожа у меня такая, сама лишний раз боюсь дотронуться до лица. Как начнется раздражение, избавиться не могу.

– Вот тебя и протестируют, помогут избавиться от раздражений. У тебя, кстати, след от старых расчесов на щеке и подбородке. И вообще при такой коже и цвете лица вид всегда такой, как будто ты просто плеснула утром на себя водой, в зеркало не глядя.

– Это не вид. Это на самом деле так, – Вера удобно устроилась с ногами в глубоком кресле. – Не высыпаюсь я. Ты же знаешь. А раздражения еще и от частого мытья. Вода эта с хлоркой...

Вера работала на ювелирной фабрике. Ее смена начиналась в семь утра. Она, как робот, заходила вместе с другими работницами сразу в зал с душевыми кабинами, там они

раздевались догола и мылись тщательно под видеокамерами. После смены та же процедура. Бывали случаи, когда кого-то, заподозрив в краже, обыскивали по полной программе. Везде. Иногда находили. Чаще – нет. Вера не представляла, как люди переживают подобное унижение. Она старалась побыстрее забывать такие истории. А вообще свою работу любила. В украшениях разбиралась. Хотя много лет сидела на одной маленькой операции. Как все. У каждого – своя ответственность.

– Я понимаю, моя дорогая. И вместо того, чтобы поспать днем, ты бежишь нам с Каткой помогать. Работаешь ты с мертвыми бриллиантами, а сама – живой бриллиант.

– Ой, – покраснела Вера. – Ты что! Мне неловко, когда меня так хвалят ни с того ни с сего. Я не хочу спать днем. Если лягу, проснусь ночью. И промучаюсь потом два часа до звонка будильника. Будешь сейчас есть или Катю подождем? Перцы фаршированные я сделала. Еще горячие. На кухне оставила. Запах... Я дома поела, а в лифте чуть опять в кастрюлю не залезла.

– Катю, конечно, подождем. Она скоро придет. У тебя все так вкусно, что можно и холодным есть.

– Нет. В еде должен быть порядок. Когда Катюня придет, я сразу в микроволновку суну. А вот и она, дверь открывает. Я – на кухню.

В прихожей Вера улыбнулась худенькой сероглазой девочке-подростку, которая поставила ранец на пол и надевала

комнатные тапки.

– Как ты вовремя пришла. Иду обед разогревать. Пока ты руки помоешь, все будет готово.

– Тетя Вера, – задумчиво проговорила Катя, – ты сегодня какая-то красивая.

Вера внимательно и подозрительно посмотрела на Катю.

– Тебе мама так велела мне говорить?

– Ты чего, тетя Вера, зачем мне мама такое скажет?

– Ладно, прости меня, я пошутила, как всегда, неудачно.

В салоне красоты я была, вот так. И то, что ты видишь, – только начало.

– Супер. А мне туда можно?

– Наверное, – Вера быстро стала считать в уме свою записку. – Когда пойду, обязательно спрошу, стригут ли там детей. Хотя ты и с косичкой очень хорошенькая.

– Спасибо, – устало и безразлично сказала Катя и пошла в ванную. Вера часто говорила ей приятные вещи, наверное, с рождения. Потому Катя маленькой думала, что Вера – ее родная тетя. Конечно, Вера говорила все это искренне, потому что добрая и любит ее. Но девочка уже знала, что не все на нее смотрят такими глазами. Значит, слова тети Веры не считаются истиной.

Обедать в кухню пришла и Тоня, опираясь на палку. Впереди у нее много проблем. Еще одна операция, преодоление... Это значит – все ее сбережения уйдут. И поиски другой работы придется начинать. Тоня была тренером по гим-

настике в спортивной школе. Возможно, она сумеет справиться и восстановиться полностью. Но заранее ей никто никаких гарантий не дает. Если все пойдет не так, то инвалидность обеспечена. А пока они втроем, вслух ни о чем не договариваясь, делают вид, что у Тони отпуск. И ей самой так часто кажется.

Вера разлила по тарелкам вчерашний борщ, в который сегодня добавила маслины для оригинальности, на второе подогрела перцы. Сама она твердо решила не есть здесь, потому что у нее выходило даже не по два обеда, а больше. Пока попробует все во время готовки, потом у Тони с Катей поест, вечером не выдерживает и садится есть со своими мужчинами. Но... как-то неудобно ничего не делать, когда при тебе едят. Вместе – это занятие, удовольствие, тепло и уют.

После обеда Тоня с дочкой ушли в гостиную разбираться с Катиными домашними заданиями. Вера быстро и умело помыла посуду, все убрала. Когда она вошла в комнату, Катя уже ушла к себе делать уроки, а Тоня, что для нее было необычным, смотрела телевизор с потрясенным видом.

– Вера, я так растерялась, что не успела тебя позвать. У нас, где-то рядом с метро, на переходе водитель сбил женщину с ребенком. И скрылся! И непонятно, что с ними. Увезли в реанимацию.

– Ужас! Сколько же сволочей развелось. Слушай, может, ничего страшного. Ты прямо побледнела. Раз в реанимацию, значит, живы. Выключай этот телевизор. Узнаем потом.

– Да. Это от того, что я не выхожу, так все воспринимаю, наверное. И потом место узнала. Недалеко от салона «Шоколад». Это же совсем рядом, и моя Катя там часто гуляет.

– Да и я бы испугалась, если бы увидела. Но ты не переживай, все будет хорошо! Я поспрашиваю у людей, может, кто-то знает подробности. Я и в салоне могу спросить! Вот! – Вере было стыдно перед собой, но она почувствовала что-то вроде гордости из-за того, что у нее появился в жизни салон, какой-то другой круг или даже мир...

Глава 6

Голая Ксения сидела по центру круглой кровати, скрестив ноги и прислонившись спиной к обнаженному, мускулистому торсу мужчины, чья крупная рука, вся в наколках, обнимала ее живот. Ксения смотрела на экран телевизора.

– Подожди, Нарик, дай досмотреть.

– Я вообще не понимаю, – произнес мужчина, – ты вообще нормальная? Я ждал тебя, а ты приходишь типа телек посмотреть!

– В чем дело! – почти рыкнула Ксения. – Я смотрю пять минут. Ну вот, кончилось. Я могла что-то пропустить из-за тебя.

– Ты что-то там ловила? – изумленно спросил Нарик.

– Да. На переходе кто-то сбил женщину и ребенка и уехал с места происшествия.

Нарик снял свою руку с живота Ксении и положил себе под голову. Его лицо – достаточно необычное, интересное, со скульптурно выделенными скулами и тяжелой челюстью – выражало крайнюю степень изумления.

– Может, нам собраться по-быстрому и устроить план «перехват»? Ксю, или ты решила мне дать отставку, или ты заболела.

– Чего ты заводишься на ровном месте! Просто я в том районе была сегодня. Вот как раз этот перекресток проезжа-

ла. Пыталась понять, когда это случилось: до того, как я выехала из салона, или после. Ты не дал.

– А что это меняет?

– Ничего. Просто мне было интересно. Знаешь, если такую ерунду надо объяснять, давай поедем.

– Да не надо объяснять, – пожал могучими плечами Нарик. – Это ты заводишься, а не я. Ну, и чем дело кончилось? С этими, которых сбили.

– Не поняла. Увезли.

– Если с головой накрывают простыней – то все, – деловито объяснил Нарик. – Накрыли?

– Вроде нет, хотя я этого не видела. То ли не показали, то ли ты помешал.

– Сказали-то что?

– Что-то про реанимацию.

– Да, ты не в форме. Реанимация – это не морг. Ну что, поговорим об этом? – его небольшие темные глаза смотрели уже насмешливо.

– Вот странно мне твое удивление, – Ксения перевернулась и легла на его широкую грудь. – Ты считаешь, я не способна на сочувствие и сопереживание?

– Ну, как-то так. Не очень ты смахиваешь на мать Терезу.

– Ох. Прямо приговор. А вот надену длинное платье, завяжу белый платочек – и буду вылитая мать Тереза. А вот ты как ни рядись, все равно будешь Нарциссом, совершенно верно придумал ты себе имя, товарищ Петя Иванов.

– Это не имя, просто рабочий псевдоним. Как у всех моделей. А не потому, что мне стыдно быть просто Петей Ивановым. Я люблю своих родителей, их фамилию и имя, которые они мне дали. Слушай, у нас сегодня все пошло как-то не так.

Он сдвинул ее и попытался встать.

– Ну, конечно. Так я тебя и выпустила! Еще посмотрим, кто на самом деле из нас не в форме и хочет тупо сачкануть.

Ксения одним движением уложила парня на место, крепко сжала его предплечья.

– А теперь попробуй выбраться!

– Не буду. Ручки у тебя, конечно, нежные, но они железные. Чувствую, завтра придется синяки замазывать.

– И не только. У меня ногти никогда не ломаются. Возможен только аппаратный маникюр. Я люблю острые концы.

– Ни боже мой! Не пугай меня увечьями. Мне платят за целостность натуры.

Он прижал Ксению к себе, закрыл губами ее неподатливый рот с ядовитым язычком. Она гадюка, поэтому он боится ей надоесть. Он проще, несмотря на свою врожденную и приобретенную с помощью профессионалов экзотическую внешность.

Они занимались любовью, ходили вместе принимать душ и опять занимались любовью. Иногда ели, пили. Он уже засыпал, когда Ксения прошептала в ухо:

– А давай что-нибудь придумаем... Новое.

– Потом. Я сплю. Мне рано вставать.

Засыпая, Нарцисс думал о том, что, кажется, это начинается. Ей скучно даже любовью заниматься, как обычные люди. Ей нужны какие-то выверты. А он не уверен, что ему это нужно. А она... нужна. Ее хочется удержать.

Глава 7

На этот раз Вера почти уверенно прошла холл салона красоты, взглянула на себя в боковое зеркало мельком, не вглядываясь в детали, чтобы опять не впасть в панику и не терзаться сомнениями. На ней была дешевая джинсовая юбка, которая выглядела точно так же, как дорогая фирменная – Вера умела выбирать вещи, – и черный облегающий джемпер с рукавами до локтя и овальным вырезом, как раз чтобы была заметна глубокая ложбинка на высокой и полной груди. Но Вера к этому не стремилась, просто у нее почти вся одежда была такой. Тоня говорила, что это красиво. А бывшая одноклассница Наташка, завистливая и желчная соседка, постоянно задавала один и тот же вопрос: «А ты не можешь не выставлять постоянно свои грудЯ? Или тебе кажется, что это красиво?» Вера совершенно искренне не знала, красиво это или нет. Просто у нее вот так. Она ничего для этого не делала. Может быть, лучше быть плоской, как Наташка? Она, конечно, смотрится более стильно. Но Веру так обижало слово «грудЯ», что она не хотела ничего объяснять. Наоборот: защищалась. И даже немножко нападала.

– Да! Мне кажется, так красиво. На силиконы денег нет, поэтому я старые колготки в лифчик подкладываю. И, знаешь, на юге мне проходу не дают. Может, и тебе попробо-

вать?

Наташка насмешливо складывала свои тонкие губы и выдыхала:

– Ой, я не могу – она шутить пытается! Ты еще мне опять расскажи, что у тебя глаза голубые. И тебе все об этом говорят.

У Веры были большие и откровенно голубые глаза. И ей действительно часто об этом говорили. Но когда Наташка так откровенно издевалась, Вере казалось, что это действительно неправда, и возражать глупо, и даже плакать хотелось от обиды. А Наташка уходила, гордая и победившая.

Так. Без комплексов не вышло. «Ну, просто дура какая-то», – тихо шепнула Вера своему отражению и вошла в зал перед ресепшеном. Ира улыбнулась ей, как хорошей знакомой, вышла навстречу, предложила присесть на диван.

– Здравствуйте, Вера. Вы такая пунктуальная. Опять ровно на пятнадцать минут раньше пришли. Садитесь. Сварю вам кофе. К кому вы сначала планируете – к Светлане, косметологу, или к Володе – причесываться? Они примерно в одно время освободятся.

– А к кому лучше сначала пойти? – спросила Вера.

– Я думаю, к косметологу. Чтобы потом прическу не портить.

– Да, конечно.

Вера села за столик. Пыталась смотреть журналы, но так волновалась, что картинка плыла перед глазами. У нее сле-

ды аллергии от постоянного мытья — на лице, на груди. Это вообще может показаться какой-нибудь заразной болезнью. Еще не хватало, чтобы ее выставила косметолог. Это будет такой позор, который вынести невозможно. Пока Ира варила кофе, Веры мучила себя любимым вопросом: «Может, сбежать отсюда?» В это время Ира подошла с подносом, поставила перед ней чашку кофе, подала пакетики со сливками и шоколадки в яркой обертке. Вера улыбнулась, поблагодарила и растерянно пожала плечами. Ей стало неловко, что она помышляет о бегстве. Ира не поняла, но улыбнулась в ответ и сказала ровно то, что было нужно: «Все будет хорошо». И Вера вдруг успокоилась. Она глотнула горячий кофе и вспомнила, что обещала Тоне узнать о происшествии.

— Ирина, а вы не смотрели по телевизору сюжет о том, как рядом с вашим салоном на пешеходном переходе кто-то сбил женщину с ребенком?

— Ой. Такой ужас! Мы потом смотрели повторы. А рассказала нам клиентка. Она сама видела, как раз вышла из метро и собиралась перейти на нашу сторону перед этим перекрестком. Вообще это страшное место. Мне всегда не по себе, когда там проезжаю. Вылетит кто-нибудь из-за угла... Они же теперь скорость не снижают, да и на зеленый свет летят. Отморозки. И этот гад ведь скрылся!

— А что с женщиной и ребенком, не знаете?

— Доставили в больницу. Не знаю, в какую. И не знаю, обоих ли. Но фамилию установили. Наверное, можно эту но-

вость найти в интернете. Если хотите, я посмотрю, пока вы будете у нас, самой любопытно.

– Даже не знаю... Ну, если не трудно. Я бы позвонила по справочным. Или подруга моя. Она сейчас дома с переломом. Одна все время. Девочка в школе. Тоня переживает все сильно. Хотелось бы все узнать, чтобы успокоиться.

– Отлично. Договорились. А вот и Светочка за вами пришла.

Света показалась Вере очень красивой. Глаза зеленые при каштановых волосах – это так шикарно. И улыбка хорошая. Такая не выгонит с воплем: «Ты заразная». Они вошли в маленький уютный кабинет, Света показала на стул перед твердой кушеткой, покрытой белой крахмальной простыней.

– Удобнее нам будет, если вы джемпер снимете. Ой, извините, немного задумалась и забыла спросить, что мы делаем.

– Что скажете, то и делаем. Я не знаю. У меня все – ужас.

– Так. Начало хорошее. Тогда поступим, как я предложила. Вы снимаете джемпер, ложитесь, а я посмотрю кожу. Сразу вижу, что она у вас нежная, есть пигментные пятна.

– Это не пятна, то есть не пигментные... Или пигментные, не знаю, как называется, – Вера легла на кушетку. – Аллергия у меня. Я работаю на ювелирной фабрике. Моемся, когда приходим и перед уходом. Вода очень хлорированная. Надо бы чем-то мазать. Нам даже выдают какие-то кремы. Валяются дома. Устаю очень, некогда. А ночью начинаю все расчесывать. Такая у меня история. А я боялась, что вы по-

думаете, будто это болезнь кожная, заразная.

– Я – профессиональный косметолог. В кожных болезнях разбираюсь. Вы здоровы. И кожа такая, что многие позавидовали бы. Тонкая, нежная. Но потому она и страдает в большей степени, чем грубая. Ухода, конечно, эта бедная кожа не знала. Я предлагаю следующий план действий. Сначала заняться укреплением тонуса, потом...

– Ой, минуточку, – Вера и лежа умудрилась поднять руку для вопроса, как на уроке. – В смысле, мне еще раз приходится?

– Смысл моего плана действий – это регулярный уход. Это так же элементарно, как нельзя постричь волосы, чтобы они всегда были одинаковой длины, или сделать маникюр навсегда. А будет ли у вас такое желание – это не мне решать. Принято считать, что женщина занимается собою, когда у нее есть для этого настроение. На самом деле настроение может появиться именно в результате хорошего ухода. Это важно. Вы так не считаете?

– Я считаю, – серьезно ответила Вера. – Деньги я сейчас в уме считаю. Не обращайтесь внимания, Светлана. Это я так.

– Вам не нужны самые дорогие процедуры. Я все же скажу, что, на мой взгляд, нужно делать.

– Ой. Только не говорите. Я всего такого боюсь. Когда мне у стоматолога говорят: «Сейчас будем сверлить», – я просто умираю. А когда не говорят – ничего, терпимо.

– Ну, вы сравнили. Косметические процедуры в основном

приятные. Сейчас я немного почищу ваше лицо, потом – скажу все же – будет немного горячо... Но предупреждаю для того, чтобы вы мне сказали, если будет слишком горячо.

Вера закрыла глаза, ей было не просто приятно. Ей стало ужасно приятно. И она, конечно, опозорилась. Не просто уснула, но и всхрапнула. От этого открыла глаза и в ужасе посмотрела на Свету:

– Мне приснилось или я правда храпела? Мне глаза нельзя закрывать, сразу засыпаю.

– Вы сейчас такая забавная, – рассмеялась Света. – Розовая, глаза голубые, перепуганные, как у ребенка. Вы мне чем-то мою дочку напоминаете, хотя мы, наверное, ровесницы.

– Ну, конечно, скажете такое. У вас дочка, конечно, маленькая, а я скоро бабушкой стану, бывшая подруга так говорила, когда меня пыталась обидеть. Но это правда. Сынуле девятнадцать стукнуло. Все может быть запросто. У него девушка есть.

– Знаете, я в возрасте женщин по роду занятий должна разбираться лучше других, наверное, но сейчас не всегда скажу, кто везет коляску с новорожденным ребенком – мама или бабушка. Так что не надо бояться стать бабушкой. Внешность зависит от генетики и уровня внутренней чистоты женщины. Такое мое мнение. Вот и все на сегодня. Не пугайтесь сейчас того, что кожа покраснела. Это пройдет. Завтра вы увидите уже какой-то результат. Заплатите Ирочке

уже после того, как все сделаете у Володи.

– Спасибо.

Вера встала с кушетки, оделась и старательно отвела взгляд от зеркала. Уж если доброжелательная Света сказала: «Не пугайтесь», – значит, там что-то страшное.

– Приходите. Записаться на следующий сеанс можно сейчас, а можно позвонить, когда будет удобно.

– Я сразу запишусь, – уверенно сказала Вера, чувствуя себя так, как будто она ступила на лед, прошла часть пути, а лед треснул под ногами. И вперед страшно, и назад нельзя. Муж и сын ее не поймут никогда.

Глава 8

В спальне Елены стены были обшиты темными панелями, и мебель она подобрала в тон – из красного дерева самого темного оттенка. А необычные, в произвольном порядке рассыпанные по стенам светильники-ночники не освещали комнату, просто рассеивали мрак, как звезды в ночи. Все вместе было талантливо продуманным убежищем, завершенным уютом, сочетанием света и тьмы, которое изолировало Елену не только от окружающего мира, но и от других комнат квартиры. Только в спальне Елена могла спокойно обо всем думать, предаваться воспоминаниям, строить четкие планы, принимать решения. У нее здесь получалось даже спать... Не всегда, конечно. Сон для Елены был долгожданным гостем, который являлся редко. Она не считала это бессонницей, никогда не просила помощи у врачей. Ну, как эти лекари на потоке могут разобраться в сложных, индивидуальных особенностях чужого организма, чужой жизни, чужих тайн. Сон – это одна из тайн человека, просто не каждому дано это понять. Глупым людям снятся глупые сны, и они всем их рассказывают. Сны Елены рассказывать никому нельзя, даже если бы вдруг появилось такое желание. Это или секретная встреча, которой не может быть наяву, или знак. Второе держит ее в напряжении, и что-то обязательно происходит. Да, ее сон – не отдых. Отдых – сейчас, когда вокруг полу-

мрак и тишина, когда все под контролем, даже собственные мысли.

Конечно, в ее тумбочке есть успокоительные капли и таблетки снотворного на всякий случай. Иногда хочется бездумного провала, сна без сновидений. Но на самом деле это не для нее. Это слишком похоже на смерть. На убийство лишнего часа, лишней минуты. Елена дорожила каждой секундой своей жизни. Она видит себя как будто со стороны. Как она лежит в бледно-лиловой кружевной, очень красивой ночной сорочке, украшенной темными атласными лентами. Как роскошно раскинулись ее волосы по шелковым подушкам цвета слоновой кости, на пальце изящной руки новый перстень. С новинкой нужно переспать. Такая у нее традиция. Ее небольшая, аккуратная, упругая, как у совсем юной девушки, грудь дышит ровно, умиротворенно. Все как будто улеглось, наладилось, можно закрыть глаза и ступить в полудрему, за которой может прийти сон...

Нет! Не получилось. Елена слышит стук в дальней комнате. Сначала редко, потом все чаще и чаще, потом стон, потом подавляемый рев, почти нечеловеческий... Боже, неужели так трудно дать этому несчастному хотя бы спокойные ночи. Ведь все было как будто нормально. Елена очень редко дает сыну на ночь лекарства. Только в таких случаях. В основном он отлично справляется с тем хищником, который непрестанно рвет его душу. Лекарства тяжелые, он потом выбирается из своего тумана ничего не понимающим, все за-

бывшим. Он может не сразу узнать ее утром! Она каждый вечер надеется, что ночь будет спокойной и утро нормальным. Андрей не безумен. У него ранена душа. Потому что в отличие от многих она у него есть. Еще какая. Но за столько лет Елена ничего не смогла изменить. Нет, разумеется, она многое сделала. Андрей, как правило, доброжелательный, читающий, всем интересующийся. Он хорошо образован благодаря ей. Он экстерном окончил школу, на выпускных экзаменах потряс всех своими знаниями. Затем так же окончил два вуза. Технический и гуманитарный. Ему все интересно. В коллективе, где бывает в крайних случаях – на защите дипломов, к примеру, скромен и приятен в общении. Андрей – отличный работник. Работает дома за компьютером. К тому же он контактный человек, умеет радоваться ей и знакомым людям, даже домработницам. Но все это, пока давняя боль не начинает вонзаться в него свои когти. Этот момент невозможно подстеречь, предупредить. Держать постоянно своего сына под воздействием химии, превращать его в овощ Елена отказалась сразу. Врачи Андрею не нужны. Они никогда не поймут столь сложного человека, не прочитают его великую проблему, у них нет для него варианта помощи. Пусть лучше боль и муки. Это не убивает интеллект.

Надо к нему войти. Для этого требуется преодоление. За столько лет Елена смалодушничала лишь однажды. Вечером она почувствовала приближение его приступа. Просто по взгляду, отрешенности. Она тогда воткнула в уши

беруши, выпила снотворное, накрылась с головой одеялом. Но вдруг, словно что толкнуло ее, Елена выпала из короткого сна – звериной норы, рванулась на площадку между этажами, и обнаружила Андрея в петле пояса от махрового халата, привязанной к перилам лестницы на второй этаж. Она метнулась в кухню за самым острым ножом для разделки мяса, перерезала этот пояс. Успела. Вот еще одна причина, по которой Елена никогда не пьет снотворное. Просто держит на какой-то случай...

Дверь в комнату сына Елена открыла спокойно, не рывком. Андрей корчился на полу с рыком и стонами. Лицо и руки были в крови. Стены его спальни давно обшиты мягкой кожей. Но когда приступ начинается, он бьется головой обо все – мебель, раковину, дверь... Елена думала об этом, но решила не менять обстановки, не стала убирать все твердые поверхности. Потому что Андрей – нормальный человек и не должен жить в палате для буйного сумасшедшего. Ссадины и гематомы легко проходят, когда он возвращается от себя того к себе нынешнему.

Она опустилась рядом с сыном на колени.

– Андрюша, – сказала тихо. – Все прошло. Все давно прошло. Это всего лишь ночь отбросила тебя в прошлое. Но и она уже проходит. Давай я тебе налью горячую ванну, ты согреешься, смоешь кровь...

– Ни за что! – дико взглянул на нее Андрей. – Зачем мне горячая ванна? Мама, ты же знаешь, что у меня все горит

внутри. Это пожар! Его нельзя потушить! Я уже весь обуглился. Как ты могла?! Почему ты меня оставила таким жить? Почему ты ничего не сделала?

– Я сделала, мой дорогой.

– Что?! Что ты сделала?! Нет! Ты ничего не сделала!

– Сделала. Я отомстила. Я продолжаю мстить. И сейчас я тебе помогу. Мы справимся.

Елена вошла в ванную, набрала в высокое и легкое пластиковое ведро холодной воды, вернулась в комнату и вылила все на сына. Она ходила не меньше пяти раз. Пока Андрей не всхлипнул, не свернулся от холода и не задрожал. Елена привычно подняла тяжелого мужчину и поставила на ноги. Довела до кровати. Достала теплую пушистую пижаму. Сказала властно:

– Переоденься.

Когда он, стуча зубами от холода, забрался под пуховое одеяло, Елена принесла и сунула ему в ноги большую грелку в махровом футляре. Она подтолкнула одеяло со всех сторон. Подошла к окну, посмотрела в щель тяжелых штор и задвинула их плотнее.

– Там уже светает, – сказала она сыну.

На самом деле в эту ночь рассвет явно задерживался. Темень была беспросветная. Хоть бы одна звезда, если не солнце... Елена принесла кружку горячего чая с молоком. Андрей приподнялся и начал жадно пить большими глотками. Значит, пожар потушен. Мальчику нужно просто тепло.

В тепле не сторают, в нем оживают. Он уснул через сорок минут. Это время показалось Елене мгновением. Она думала о том, что мести мало не бывает. Может быть, когда она выполнит свою программу, ее сын станет немного счастливее. Да, конечно. Она победит его кошмар. Елена и не предполагала, когда будет выполнена ее программа. Иногда у нее появлялось четкое понимание того, что она взяла на себя миссию ровно длиною в жизнь. Но она отталкивала это жестокое понимание. Даже ей, такой закаленной в пламени и холоде, нужна надежда для продолжения дней.

Елена вернулась к себе, но сразу лечь в постель не смогла. Она беспокойно ходила по периметру, сжав руки, прижимая иногда их к сердцу. Ей было дано природой одно качество – счастливое или несчастливое, кто знает. Она никогда не сомневалась. Верила только своей интуиции и своим решениям. И, казалось, весь ее опыт работал на ее уверенность. Но в эту ночь непоколебимая уверенность покачнулась. Елене показалось, что она совершила страшную ошибку. Положила годы, десятилетия на то, чтобы оградить сына от внешнего мира, спрятать от людей, которые несравнимо ниже его по развитию и грубее, агрессивнее, опаснее для уникальной личности в тысячи раз, чем для обычных людей. Она лишила Андрея права выбора! Посвятив ему жизнь, она стала его тюремщиком!

Нет, правда не может быть такой жестокой. Как с этим жить? Нет! Она восстановила справедливость. Она обеспе-

чила сыну покой и гармонию, каких нет ни у кого. У него бывают настоящие праздники духа, он читает прекрасные книги, слушает дивную музыку, сам пишет точно, образно, ярко... А срывы... У кого их не бывает? Кто знает, не грызут ли по ночам стены и не лезут ли в петлю самые популярные, тусовочные, публичные люди. Точнее, именно они и лезут. Елена не читает бульварную прессу, но на заголовки натывается. И в петлю лезут, и травятся, и колются, и друг друга режут, а подробности такие нечистые, отвратительные... Так что она все делает правильно. Ее сын живет только своей жизнью. Чистой и только им двоим понятной. Прочь сомнения! С ними Елене не по пути. Что дальше? Никто не может загадывать свою жизнь даже на пять минут вперед. Где-то там, в самом укромном уголке сознания, Елена прятала одно решение. Она столько лет распоряжается чужими жизнями и уверена, что однажды сможет так поступить с жизнью единственного близкого человека. Всегда – во имя ненависти, один раз во имя любви. Отсутствие – это лучше, чем одиночество и страдание.

А Андрею снился темный теплый сад в дожде, старинный дом, кресло-качалка у камина. Накануне вечером он решил перечитать Диккенса, которого любил с детства. Брал разные тома и читал в разных местах, сразу вспоминая все остальное. У него была отличная память и яркое воображение. Он привык путешествовать, не покидая своей квартиры. Ему хватало богатой библиотеки.

В кресле у камина сидела, конечно, мама и смотрела на огонь своим загадочным взглядом. «Я отомстила», – сказала она и во сне. После этой фразы Андрей глубоко свободно вздохнул и отпустил себя в глубокий сон, без сновидений. Он слышит эту фразу на протяжении большей части своей жизни. Он никогда не уточняет, что это значит. Он априори убежден, что это не может иметь отношения к людям, к одному человеку. Мама не причинит никому несчастья и боли, это невозможно. Андрей легко исключил подобное. Взрослый мужчина был уверен, что мать нашла способ отомстить за его беду. Как? Она знает как. И Андрей привык ей слепо доверять. Мама сможет. У нее все получается. А его душа сейчас отдохнет, и он будет помогать матери. Помогать хотя бы в этом.

Глава 9

Тоня полулежала на диване и задумчиво смотрела на дверь. Повернулся ключ в замке, и Вера почти вбежала в гостиную. Она была красная. Гладкий лоб прорезала гневная морщина. Гнев – редчайшее состояние для Веры.

– Что-то случилось? – спросила Тоня.

– Идиоты какие-то там сидят! Просто дубины бесчувственные.

– Ты звонила в справочную «Скорой», – не спросила, а утвердительно сказала Тоня.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, мы вроде договаривались, что ты в салоне что-то узнаешь.

– Да, мне все написали на бумажке. То, что девушка-администратор нашла в интернете. Имя, фамилию женщины и ребенка. И живут в нашем районе. Я звоню, прошу сказать, в какую больницу отвезли, а мне говорят: посторонним таких справок не дают.

– В этом есть смысл... Многие, наверное, звонили из любопытства.

– Но я не из любопытства. Я объяснила, что хочу помочь. Может, у них нет родственников. Я бы подъехала, поддержала. Еду бы нормальную приготовила. Ребенку пять лет! Слышала я, как в больницах кормят. У сослуживицы ребен-

нок в Морозовской больнице лежал. Там кусок какой-то серой грязи манной кашей называется...

– Да-да-да, – ровно сказала Тоня. – Ты, конечно, так бы и поступила. И не оставила бы их. Просто операторам на телефоне не под силу вникать в такие, достаточно редкие благородные стремления. У них инструкция. А родственников у Яны и Костика Ветровых действительно не оказалось... Пока. Может, найдут биологического отца мальчика. Женщина не замужем.

– Откуда ты все это знаешь? – опешила Вера.

– Выяснила таким же образом, как в твоём салоне. Имена по интернету в новостях. Дальше своего хирурга попросила узнать. Мы так долго сотрудничаем по поводу моего колена, что почти подружились.

– О как! И все так тихо, исподтишка, и мне ничего не говорила. Но вообще, конечно, ты большая умница. Я бы в жизни с такой задачей не справилась.

Вера в волнении села на журнальный стол перед Тоней, что в нормальном состоянии никогда бы себе не позволила. И уставилась на подругу. Ее глаза казались огромными и посветлевшими на фоне пылающего лица.

– Ну! Говори! Что? Как? Куда ехать?

– А мне казалось, люди очерствели, не слышат, не видят чужого горя. Отупели... Но не ты.

– Тоня, ты шутишь, что ли?! Я тупая с рождения. Но почему ты мне ничего не рассказываешь? У меня мало времени.

– Яна Ветрова умерла сегодня ночью. Ее сын Костя пока остается в реанимации. Сотрясение мозга, переломы, шоковое состояние. Завтра операция. Одна из нескольких. Тебя не пустят к нему. Вера, не вздумай плакать! Каждый день тысячи детей оказываются в таком положении. Это чужой ребенок. И именно по этой причине будут большие препятствия с помощью ему.

– Почему? – подбородок Веры дрожал.

– Я знаю такие истории. Появятся тетки из опеки и прочие распорядители... Понимаешь, там ведь квартира. И пока нет никаких родственников.

– У малыша отнимут квартиру?

– Собственно, он же сам не сможет в ней жить. Его отправят в детдом. Квартиру, конечно, постараются отобрать. Так я думаю. И посторонних посвящать во все это никто не станет. Я уже сталкивалась с подобным, пытаюсь помочь ребенку, мать которого умерла во время родов. Я в том же роддоме тогда Катку рожала. Мы с той женщиной успели познакомиться, у нее не было родных. Я хотела ее девочку вместе с Каткой забрать. Удочерить. Тогда с мужем была не разведена, семья полная, и он не возражал. Я уже звонила знакомым, чтобы помогли начать оформление к выписке... А главврач меня вызвала и так обломала, что все стало ясно. Она по дури сразу стала орать, что я на квартиру позарилась. Ночью девочку перевезли из палаты отказников, где она лежала после смерти матери, куда-то в другое место. Нас с Ка-

тюшей поскорее выписали на третий день. И потом я ничего не могла узнать.

– Страшно как. Но я же только покормить... Тоня, пусть твой врач мне поможет, чтобы с передачами пускали, когда мальчика переведут из реанимации. Раз переломы, оперировать будут, сразу в детдом не потащат. А ему питаться нужно.

– Смешная ты, – серьезно сказала Тоня. – Распоряжения даешь моему врачу. Но я попробую, может, он кого-то там знает. Наверняка. Больницы одного района, и он тоже по переломам специалист. Только прошу: не дави на меня. Думаешь, мне удобно чужого, в принципе, человека дергать? Сама трясешься, красная, и меня в тоску загнала. Я вспомнила ту историю...

– Красная? – сразу переключилась Вера. – Ужас, да? Это я у косметолога была. Она по моему лицу просто утюгом водила. Я попросила, чтобы она не говорила название процедуры и аппарата, а то я от страха там помру. А так – мне понравилось. И женщина приятная. Света. Красивая очень. Она мне сказала, что краснота пройдет. Но это нужно делать регулярно! Наверное, подумала, что я миллионерша.

– Так дорого? – улыбнулась Тоня.

– Не очень. Но регулярно – влетит в копеечку. Пока этот, тонус... Ну, не важно. Что ж мне такой красной и жить?

– Да ты красная от волнения и слез. Ты всегда от этого краснеешь. Умoeшьcя холодной водой, и все пройдет. Я только вот что тебе скажу. Ты нервничаешь, лоб сморщи-

ла, глаза покраснели, кожа явно подверглась непривычному для нее воздействию, но сказать, что ты изменилась к лучшему, – это ничего не сказать.

– Как?

– Ну, во-первых, прическа. Это легкое золотисто-русое облако вокруг твоего лица показывает, что лицо очень правильной формы. Идеальный овал. Первый раз заметила. А кожа... Видны, конечно, твои расчесы, краснота сейчас неровная, понять, от чего точно, невозможно. Но местами кожа как будто атласная, как будто, наконец, за ней нормально ухаживают. Что сказали твои мужики?

– Посмотрели и тупо замолчали. Мне показалось, они не поняли, хорошо это или плохо, но на всякий случай обиделись.

– Подумали, что ты можешь перестать борщ варить и каждый день рубашки стирать.

– Точно. Вчера как раз борща и не было. Все остальное – второе, салаты – было. А Витя мне перед сном сказал, что у него желудок заболел.

– А если в шкафу не окажется чистых рубашки, трусов и носков – станет инвалидом?

– Нет, – спокойно ответила Вера. – Уйдет к другой.

– Ой, не могу... – простонала Тоня. – У Вити уже есть «другая». То есть «другой». Он от телевизора не оторвется, даже если все «мисс мира» станут под вашей дверью в очередь за ним. Ему будет лень порог переступить. Да и он

не сильно кому-то сдался со своей любовью к борщам и ма-а-аленькой по нынешней инфляции зарплатой.

– Не знаю, – пожала плечами Вера. – Клеются к нему. При мне даже. А вот и Катя пришла.

– Ты при ней не говори ничего об этом мальчике, хорошо? Она тоже впечатлительная.

– Да ты что! Уж это как-нибудь сама бы сообразила.

Глава 10

Владимир проснулся от того, что ему было жарко и не хватало воздуха. Он сразу понял, в чем дело. Кот, который всегда укладывался на его подушку выше головы, сейчас сполз на лицо. Некогда маленький жалкий котик, которого дочка подобрала на улице, быстро вымахал в небольшого полосатого тигренка, довольно тяжелого. Еще быстрее обнаглел. Владимир не сомневался в том, что Васька приходит к нему на голову каждую ночь именно потому, что в первый раз он его прогнал. Тем утром Владимир завтракал, а обиженный кот сидел на подоконнике кухонного окна и смотрел в упор немигающими янтарными глазами. Не мурлыкал, как обычно, не терся об ногу. Даже не будучи психологом или котологом, можно было понять: Васька строит наполеоновский план, и Владимир является в нем объектом укрощения и порабощения. Так и случилось. И продолжает случаться каждую ночь. Кот терпеливо дожидается, пока Владимир уснет, после чего укладывается на его подушку над головой.

Через какое-то время Владимир к этому привык, а потом, скрывая от членов семейства, чтобы не засмеяли, стал Ваську ждать. В голове столько тревожных, часто тяжелых мыслей, а кот как будто все оттягивает. Действует, как снотворное. И Васька, паршивец, все прекрасно понял. Перестал особенно стремиться на подушку. Мог улечься поперек

тела жены Инны, упираясь в бок Владимира задними лапами. Инна засыпала быстро, и сон у нее крепкий, даже вескота, которого она кормит будто на убой, ее не беспокоит. А Владимир – никому он не расскажет про такой позор, – едва жена заснет, перетаскивает Ваську к себе на подушку. И ему кажется, что Васька улыбается довольно. Скорее всего, так и есть. Он теперь свободно разваливается на подушке, как его кошачьей душе угодно, иногда почти столкнув Владимира. И то кошачий хвост окажется практически во рту, то в бурном Васькином сне, когда коту приходится сражаться с противником, он вонзает когти Владимиру в лоб. Сейчас Васька полностью сполз на лицо. Владимир на ощупь нажал кнопку ночника, взял двумя руками сонного кота, поднял над собою. Васька удивленно и недовольно открыл глаза.

– Совесть есть? – шепотом спросил Владимир.

– Нет. А надо? – нагло сощурился кот.

Владимир положил Ваську к себе на грудь и погладил. Тот замурлыкал так громко, будто давал концерт. А что: действительно музыка. Теперь еще бы жену повернуть на бок, чтобы не храпела. И вообще, надо бы как-то деликатно разъехаться с ней по разным комнатам. Владимир очень устает: его приглашают в разные проекты, а он никому не может отказать, потому что деньги нужны. Он – единственный кормилец в большой семье – трое детей и жена-домохозяйка. Отношения с Инной – так себе. Были бы, наверное, совсем плохими, если бы не дети и если бы было время на выясне-

ние отношений.

Когда-то, Владимир тогда работал на телевидении, а она была главным редактором одной редакции, он – мечта очень многих девушек – просто сознательно не отказал ей как начальнице, от которой зависели его заказы. Потом Инна захотела, чтобы они поженились, и Владимир не видел повода не сделать этого. Он был свободен, он не любил другую, и быть женатым казалось даже удобно, потому что женщины всегда страшно приставали к нему, мешали работе, отнимали время. А он всегда много работал – и визажистом, и костюмером, и фотографом звезд, и даже оператором.

Природа щедро наградила его: потрясающая внешность, отличный вкус, и талант вложила в глаза и руки. Владимиру хотелось делать других людей лучше, ярче, красивее, и это у него получалось. Женщин только по работе всегда было столько... И каждая, или ему просто казалось, что каждая, хотела им завладеть. И не было сомнений в том, что всем им наплевать, какой он человек. Дело просто во внешности. У него были женщины-коллеги, женщины-друзья. В чем-то ему с ними было легче, чем с друзьями-мужчинами. Но он скрывал от всех, пытался даже от себя скрывать презрение к женской половине человечества. Именно в сфере отношений полов. Возраст Владимира приближался к сорока, но любви он не знал. Точнее, узнал только любовь к детям. Не ждал, не думал, но она просто схватила его за горло, закабалила, и все остальное теперь было во имя ее. А сначала

ла Владимиру было просто удобно быть мужем дамы при какой-никакой власти, отцом многодетной семьи. Но после рождения третьего ребенка Инна ушла с работы. Владимир тоже с телевидения ушел, устроился в салон красоты, платили здесь гораздо лучше. Он никогда не делился с женой ни рабочими проблемами, ни внезапно охватывающим страхом, что он не справится. Не сумеет всем детям обеспечить достойное будущее. В последнее время он сомневался и в достойном настоящем.

– И еще ты, – шепнул он на ухо вновь задремавшему Ваське. – Осетрину он любит! Ты украл вчера со стола весь кусок, который я принес. Для всех! А ты сожрал. Жадный человек тебя бы выгнал из дома.

Васькины глаза слегка приоткрылись.

– Как непорядочно говорить такие вещи, – прочитал в этих глазах Владимир. – У меня было тяжелое детство. Ты забыл, что меня уже выбрасывали на помойку?

– Не забыл. Спи. Ты не украл. Ты взял со своего стола.

Владимир уже засыпал под теплой тяжестью Васькиного тела, как вдруг вспомнил странную фразу клиентки из салона «Шоколад». Это была Валентина, которая постоянно просит сделать крутые кудряшки из очень редких волос, которые и не растут нормально. Зачем их стричь, непонятно. Но что-то она такое странное сказала, что он сначала постарался забыть, как все неприятное, что говорят клиентки, которые приносят с собой весь свой негатив с целью разделить

с ним, повесить на него, а самой избавиться. Она сказала – он четко вдруг вспомнил:

– Представляете, Володя, я однажды была свидетелем убийства. Вижу, к вам уже пришла следующая клиентка, поэтому не стану рассказывать подробности. Просто я очень удивилась, когда увидела убийцу у вас. Мне показалось, он у вас работает.

Владимир не относился серьезно к тому, что говорила Валентина, к нему действительно уже пришла очередная клиентка, актриса, работа предстояла сложная. И он отмахнулся от этой фразы, хотя понимающе кивнул Валентине:

– Да, извините. В следующий раз расскажете подробнее.

Клиент всегда прав. И он сразу переключился на поставленную актрисой задачу. Ее волосы знали уже все краски, существующие в природе. Поэтому создать что-то новое, чтобы выйти в роль не в парике: там многое зависело именно от волос в рисунке этой роли, – была почти нереальная задача. Но Владимир решил ее! И только сейчас вспомнил фразу Валентины. Ночью лучше ничего не вспоминать. Все принимает такую остроту и четкость, что промучаешься без толку, а потом это окажется ерундой. Валентина, конечно, неадекватная в каком-то смысле. Она не в состоянии останавливать свое словоговорение, у нее недержание и путаница мыслей. Но она в психическом смысле совершенно нормальна. Поэтому ее фраза была очень странной. Она же не способна ничего придумать. Что-то такое... есть? Или может быть?

Нет, только не начинать мысленный обзор всех работающих в салоне людей! Скоро вставать. Завтра, то есть уже сегодня, столько дел. Убаюкивай, Васька. На тебя вся надежда.

Глава 11

Вера прошла мимо зеркал решительно и уверенно, почти. Взглянула на себя всего один раз. Прическа обалденная. То есть она уже тут своя. Нормальная аккуратная фигура, только зад и грудь слишком уж бросаются в глаза. Вере нравился совсем другой типаж женщин: она невольно провела по себе двумя руками, представив, что здесь, в салоне, случится чудо, и она станет стройной и плоской. И сразу быстро себя одернула: «Отрежут, что ли, тебе лишнее? Глупая ты баба. Хорошо, что мои мысли слышу только я».

Вера вошла в салон красоты и сразу рванулась к столику ресепшена, чтобы поздороваться с Ириной, но издали увидела, что девушка спит за своей стойкой, положив голову на руки, и даже не услышала, как Вера вошла.

Тут открылась дверь комнаты отдыха, выглянула Света, с улыбкой поздоровалась и сказала:

– Добрый вечер, Вера. Это я вам открыла, чтобы Иру не будить. Она по двенадцать часов работает. Вы проходите ко мне, я сейчас быстренько допью чай и приду. Кофе сварю, выпьете у меня, а я посмотрю, как сегодня ваша кожа. Сейчас мне кажется, что все нормально, по программе.

– Хорошо, – кивнула Вера. – Если я усну на вашей кушетке, вы меня как следует пните. Я засыпаю сразу и крепко. Особенно когда вижу спящего человека. Ловлю, как вирус.

Света рассмеялась и скрылась, а Вера вошла в ее кабинет, и до того ей показалось здесь уютно, по-домашнему, тепло, комфортно, да еще и на улице шел то ли дождь, то ли снег, – в сон потянуло немедленно, пришлось умыться холодной водой, чтобы действительно не заснуть.

Света пришла с подносыком. Пока Вера пила кофе и ела шоколадки, она рассматривала ее лицо.

– Все хорошо, а будет лучше. Продолжаем процедуры, названия которых вы боитесь услышать. И я бы поправила бровки. Вера, у меня такое впечатление, что вы не пользуетесь косметикой вообще, это так?

– Кое-что из косметики у меня есть. Просто я не разбираюсь, выбрать не могу. Наверное, вкуса нет. А муж и сын начинают издеваться: «вампир», «клоун». И на работе все равно мыться два раза. Что же, каждый раз макияж делать? В общем, лучше оставить все, как есть. А брови – да, конечно. Сама сегодня утром посмотрела: как-то не так торчат. Вроде бы вообще должны лежать.

– У вас красивый, правильный овал лица, значит, брови должны тоже быть полукруглыми. А насчет макияжа, я вас очень хорошо понимаю. И ваших мужчин тоже. Часто сама смотрю на улице на женщин, которых хотелось бы просто умыть. Макияж не должен быть слишком заметен. Он должен только подчеркивать красоту. Сейчас столько возможностей и методик. В вашем случае, наверное, подходит только профессиональная, пролонгированная покраска ресниц,

причем цвет нужен не грубый, не черный. Нужно подобрать. Глаза станут просто украшенными длинными ресницами, они у вас от природы очень хороши.

– Пролонгированная – это когда не смывается? – подняла руку Вера, мысленно ругая себя за глупый вопрос. Она ведь знает это слово.

– Да, недель шесть точно продержится, можете мыться, умываться, ничего не размажется. Попробуем сегодня или потом?

– Потом, – отодвинула Вера вопрос, который для нее был глобальным преодолением.

– Хорошо. Тогда начинаем нашу процедуру?

Они вышли из кабинета Светланы через сорок минут, подошли к столу администратора. Ирина все еще спала.

– Придется будить, – с сожалением сказала Света.

Вера достала из бумажника карточку, положила ее на перегородку, которая отделяла стол Ирины от посетителей, потом взглянула на девушку внимательнее и постаралась сказать очень ровно и тихо:

– Светлана, она не спит. На столе кровь! И на полу тоже...

Они вдвоем, как загипнотизированные, вошли за перегородку. Встали за спиной Ирины. Белые волосы на затылке были в крови.

– Ее убили! – Вера смотрела на косметолога изумленно, перепуганно, словно ожидая, что ей скажут, будто это просто шутка...

– Да, убили, – потрясенно произнесла Света.

Она выключила работающий огромный телевизор на стене. Затем открыла двери всех кабинетов и парикмахерских залов.

– Люди, – произнесла она негромко, но четко. – У нас случилась беда.

Мастера один за другим вышли в холл и недоуменно смотрели на Свету. Никто еще ничего не понял.

– Иру убили, – сказала Светлана.

– Что?! Не может быть! Ей, наверное, просто плохо стало, надо посмотреть и вызвать врача, – рванулась за перегородку маникюрша Лариса.

Владимир догнал ее, перехватил за руку, вытащил из-за перегородки.

– Здесь везде кровь. Вы понимаете, что никому ничего нельзя трогать?!

– Лариса, – сказала Светлана. – Ты же прекрасно видела, как и мы все, что Ира неподвижно лежит не меньше двух часов. Мы думали, она спит.

Владимир осторожно заглянул за перегородку.

– Ей выстрелили в затылок. Надо звонить в полицию. И Арсению.

– А он здесь, у себя, – всхлипнула бледная девушка в форме уборщицы. – Я только что от него. Относила заявление на отпуск.

– Сбегай за ним, Нина, – попросил Владимир. – А я вызы-

ваю полицию. И еще: хотя многим это не понравится, но мы должны закрыть дверь на ключ. В таких случаях все должны оставаться на месте. Тем более выбор тут небольшой. Или кто-то из клиентов, или... из нас.

— Да, конечно, — согласилась Света. — Но за это время многие приходили и уходили. Ира часто оставалась здесь одна. Я имею в виду, кто-то мог позвонить, когда она была еще жива. Я открывала, когда она прилегла поспать. То есть мы так подумали.

— Все клиенты записаны у Иры в компьютере... Да и мы можем вспомнить, кто за это время ушел, — сказал Владимир.

Веру затрясло. Доигралась! Захотела не быть невидимкой. Теперь «видимка». Она засветилась на том месте, где совершено убийство. Сбежать и спрятаться не получится. Муж лопнет от злости. У нее ослабели колени, и она опустилась на край дивана. Все происходящее виделось, как в тумане. Владимир звонил по своему мобильнику. Влетел в зал ожидания полный, крепкий мужчина с глазами навывкате. Вероятно, хозяин салона, тот самый Арсений, он отдавал распоряжения и велел всех собрать к приезду полиции в холле.

— Черт, — выругался он, сердито оглядывая присутствующих. — Она не меньше двух часов убита, а все думали, что спит! Это ваше покровительство чужой халатности до добра не довело! И как можно спать рядом с телефонами?! И в двери звонили!

– Я открывала, – уже со слезами сказала Света. – На вечер записано было только два человека, я и подумала, пусть Ира отдохнет...

– Но как люди расплачивались?

– У меня ушла только одна постоянная клиентка. Деньги мне положила, я бы потом Ире передала, я так всегда делаю, когда она отдыхает или обедает.

– И мне за сеанс оставили, – сказала Людмила. – Я тоже сама потом собиралась Ире отдать.

– Это у вас такой бардак с деньгами творится?! – сорвался Арсений.

– Спокойно, Арсений. Никакого бардака. Еще никто и никогда не убегал из салона, не заплатив за услуги. У нас просто нормальные отношения с людьми. Многие ходят не один год и часто. Все расчеты не только в компьютере Иры, но и к тебе поступают. А если бы случались недостатки, ты бы видел, с мастеров бы потом высчитывал, – Владимир всегда говорил спокойно, но сейчас в его тоне как-то очень ясно звучала неприязнь к Арсению.

– Ладно. Чего ты кипятишься? – на высоких тонах и в то же время примирительно сказал Арсений. – Пока вы все, как идиоты, ходили вокруг трупa и думали, что Ирка спит, убийца ушел! И, может быть, какая-нибудь ваша приятная дама эту лентяйку грохнула.

– Ирина умерла, – сказал Владимир. – Попрошу иметь уважение если не к живым людям, то хотя бы к покойной.

Он резко повернулся и вышел в парикмахерский зал. Арсений смотрел ему вслед, открывая и закрывая рот. Очень хотелось обломать нахала: много о себе понимает, места своего не чувствует, никакого уважения к работодателю! Но с другой стороны, Владимир приносит салону самый серьезный доход. И надо его ублажать, чтобы не переманили. Тем более платить ему больше, чем другим, Арсений не хотел. Он был жадный. И потому любил прибедняться: у нас на то не хватает, на это... Часто мастера сами покупали дорогие препараты, он иногда обещал возместить, но никогда этого не делал. Но сейчас уже не в этом дело. Как говорится: «Пришла беда, открывай ворота». Начнутся проверки, ползут во все документы. В том числе и те, по которым оборудование заказано и получено только на бумаге. Арсений вздохнул, отдал распоряжения никому не расходиться и ждать, когда придет полиция, а сам медленно пошел к себе.

Арсений вошел в свой кабинет, закрыл дверь изнутри, сел за массивный дубовый стол. Значит, ищейки уже в пути. Его, конечно, будут допрашивать в первую очередь. А если не в первую, то это еще хуже. Люди все – сплетники, завистники. Начнут рассказывать про отношения, добавлять от себя... Лежала убитая больше двух часов... Арсений задумался, как начать свои показания. «Люди работают здесь по двенадцать часов. Вы не поверите, но в это время я тоже спал у себя. Иначе не выдержать. У меня и ночи для работы. Не только этот салон. Я как раз сегодня приехал из другой

своей фирмы и должен был поехать на третью...»

А Владимир подошел к креслу, где в пеньюаре с оборочками сидела Валентина Васильевна. Она была вчера, но дома решила, что кудряшки у нее плохие, и пришла сегодня. Он переделал.

– Валентина Васильевна, – склонился Владимир к ней. – У нас несчастье. Убили девушку. Ирину, администратора. Сейчас приедет полиция. Вы помните, как сказали мне, что один из наших сотрудников показался вам подозрительным? Говорили про то, как на ваших глазах совершилось убийство?

Валентина взглянула на него сразу обезумевшими глазами. Какое-то время молчала. У нее был сложный мыслительный процесс. Потом выпалила:

– Володя, вы меня с кем-то путаете! Или вам что-то помешалось.

– Не торопитесь, – сказал Владимир. – Понимаю, что это неприятно, но надо бы сказать все полиции. Я без вашего разрешения, конечно, это сделать не могу.

– С ума сошел! Я ничего такого не говорила. И я опаздываю.

Валентина сорвала с себя пеньюар, не дожидаясь, пока ее кудри причешут, и направилась к двери.

– Вас не выпустят, – сказал ей в спину Владимир. – Все опоздают сегодня. Деньги можете оставить Арсению, владельцу, он у себя. Возьмите бумажку с суммой.

Она выхватила у него чек и, не попрощавшись, выскочила из зала.

– Значит, не говорила, да? – задумчиво произнес Владимир. – И как теперь узнать правду?

Глава 12

Инна сидела за компьютером на одном из своих любимых сайтов и азартно печатала сообщение:

«Вот выходишь замуж за красивого мужика, практически Аполлона, думаешь только о том, как повезло, что тебе достался такой подарок, и теперь впереди не жизнь, а сплошной оргазм... – тут она остановилась и поправила, работа редактора – это уже образ жизни, – сплошное блаженство, а выходит... Пустое место выходит. Он работает с утра до ночи, а спит с котом. С котом и разговаривает.

«Мдя... – отреагировала ее постоянная виртуальная собеседница. – Если спит с котом, да еще с ним при тебе разговаривает, – жди отставки».

«Это пусть попробует. У нас трое детей. Я ради семьи работу бросила».

«Много зарабатывает?»

«Нормально. Но нужно больше. И он может больше. Был у меня на ТВ оператором, перешел в театр стилистом, его постоянно куда-то зовут. Теперь вообще в штате салона красоты. Парикмахер. Такая «карьера».

«Вообще-то хороший мастер – на вес золота, – вмешалась в диалог еще одна виртуальная подруга. – Им еще и так, кроме кассы, всегда платят. Ты можешь не знать, а он богатенький Буратино».

«Я тебя умоляю, Кира! Дело в том, что деньги не скроешь, если их много и если человек живет не на два и не на три дома. Он каждую ночь спит рядом со мной, а на голове у него кот Васька. И потом я по своей бывшей работе привыкла контролировать приходы, расходы – не ошибусь. Если ребенок просит новый айфон или планшетник, Вовку это может поставить в тупик. Он всегда покупает, но перед этим бегаёт по своим «проектам» больше, чем обычно».

«Слушай, Инна, – вмешалась еще одна «френдесса». – Твой муж случайно не мастер в салоне красоты «Шоколад»? Очень все похоже».

«Да... А что?»

«Я хорошо его знаю. Причесываться к нему езжу. И, кстати, тоже предлагала ему проект. Пиарное фотоагентство. Я-то как раз держу рекламное агентство, по профессии фотограф».

«Ну и как? Он согласился?»

«Не возражает. Просто вложиться надо серьезно. Оборудование, интерьеры. Серьезные планы. Чтобы сразу выделиться. Конкуренция большая. Пока таких денег у нас нет».

«У «вас»?!»

«Слушай, не надо из себя строить дуру. Если бы что-то... Вот так бы я влезла и на весь свет рассказывала. Владимир мне нужен как партнер по делу. На всякий случай напишу капслоком, чтобы все поняли. ПО ДЕЛУ. А по поводу того, с чего ты начала и о чем кручинишься, тут, к сожалению, по-

мочь никак не могу. Это я к тому, что, если у нас получится агентство, у тебя, возможно, будет больше денег. Но спать с котом на голове ты ему не запретишь».

«Понятно. А я и не собираюсь запрещать, это лучше, чем по бабам бегать. Потому и кормлю кота, как слона, чтобы придавил покрепче. С Володиной внешностью могло быть и сложнее. А так – все путем. Детей очень любит. Да и между нами нет проблем... Когда не очень устает. Просто нечего было написать, я решила немного поинтриговать. Очень рада, Василина, что ты его еще больше занять хочешь, деньги нам тоже не помешают. Я, честно, к работе совсем не хочу возвращаться. Да и трое детей – это и есть работа. Василина, тебя на самом деле так зовут?»

«Нет, я Лина. Вася – мой муж».

«Очень приятно. Будем знакомы. Надеюсь, познакомимся семьями в реале. Я бы заказала профессиональному фотографу портреты детей. И нас с Володей».

«Конечно, Инна. Можешь посмотреть мои работы на моей странице. Если понравится – без вопросов».

«Спасибо».

Инна закрыла сайт, откинулась на спинку стула и вытерла пот со лба. Она хорошо вышла из положения. Но как ее угораздило вообще! Не могла сообразить, что у Володи половина Москвы или причесывается, или хочет это делать. Она с подругами интимными подробностями супружеской жизни не делится, а тут... Да в том-то и дело, что тут кажет-

ся проще, ты никого не видишь, в ответ как будто пустота реагирует и тебя поддерживает, советы дает. Но на самом деле это ведь тоже реальные люди. И многие могут знать ее по жизни. А она сказала, что для мужа нежеланная женщина. Почему? Она ведь по сути скрытный человек. И ее совсем не беспокоит, что Володя привязан к детям и даже к коту больше, чем к ней.

«Виртуальное общение – это провокация, – подумала она уже в раздражении. – Человек не может себя не выдать, настолько это общение кажется абстрактным». И она выдала то, что скрывает от себя. Она ревнует Володю к его работе, которая связана в основном с женщинами, потому и отозвалась о ней пренебрежительно: «карьера». Она ревнует его к коту и даже к детям. И кто-то, возможно, тот, то есть та, которой это не все равно, намотала на ус. Какая глупость! Надо срочно придумать что-то смешное, какие-то картинки, видео, утопить эту тему. Потом она ее вообще уберет. Но Лине-Василине надо бы как-то позвонить и заказать портреты. Это будет полезно для всего. И для того, чтобы было ясно, кто у них главный в доме, и для того, чтобы Володя понял, что она держит все под контролем. Как всегда!

Когда муж сегодня утром ушел, Инна услышала, как отъехала его машина от дома, и пошла в ванную. Она с недоумением стала рассматривать свое лицо. Да, не красавица, но у нее, как все говорят, интересное лицо: серьезное, вдумчивое и волевое. Она и не думала, что изменилась. Но утром

с бледного лица просто зывали о помощи растерянные глаза с расширенными почему-то зрачками. И зеркало туманилось, будто слезы мешают. Инна никогда не плачет. Но что-то очень обидное произошло. Не надо бы вспоминать, но забыть все равно не получится.

Инна проснулась, когда муж еще лежал. Васька всегда реагировал на ее пробуждение. Меркантильно. Он вставал с подушки и прыгал на пол, подняв хвост трубой. Она обязана была мгновенно выйти с ним на кухню и налить ему молока. Завтракал он позже. Она обслужила Ваську и опять легла к Володе под бочок. Ей стало так уютно, она чувствовала себя такой защищенной. И придвинулась к нему совсем плотно. Он открыл глаза, ему уже пора было вставать, – и она прижалась губами к его рту. Такому мужскому, волевому и в то же время очень красивому рту. Он непроизвольно дернулся! Отодвинулся. Тут же мягко сказал, улыбнувшись:

– Извини, ты меня разбудила, я испугался.

Это было неправдой. Они оба знали, что он проснулся до того, как это случилось. И потом он дрессированный. Васька попой наваливается ему на лицо, но он почему-то не пугается. Антошка, их младший сын, на папу налетает нередко, когда он на самом деле спит, но он, просыпаясь, не дергается, а, наоборот, прижимает малыша, целует... Просто Инна ему стала противна. Он при всей своей воспитанности больше не может это скрывать. Инне было очень больно. Но она, как обычно, взяла себя в руки, умылась, при-

готовила завтрак, накормила детей. Мальчики пошли к себе играть. Была суббота. Старшая дочь Марина поехала в институт. Инна как-то без толку ходила по комнатам. Все валилось из рук. Потом мальчишки попросились на улицу гулять, а она села за компьютер, изливать свою проблему. Попробовала отстраненно и иронично, вроде бы так и получилось, а сейчас такое неприятное чувство, ее, конечно, все просчитали, она выглядела, как истеричка... Несчастливая, нудная, никому не нужная истеричка.

Инна заставила себя успокоиться и решила позвонить мужу на работу. Может, им вечером сходить куда-нибудь? Ему клиентки часто оставляют приглаательные билеты на концерты, спектакли, выставки. Володя все приносит домой. Она выбрала билеты на сегодняшний вечер, набрала номер салона. По мобильному она ему на работу не звонила, он постоянно занят. Она позвонит на ресепшен Ире, если он сможет, то подойдет.

Но трубку неожиданно поднял сам Владимир.

– Да. Салон «Шоколад». Инна? Что-то важное?

– Да нет, я просто нашла интересные приглашения на сегодня...

– Извини, – прервал он. – У нас тут беда. Убили Иру. Полиция приехала, нас опрашивают, так что вряд ли что-то получится. Могу задержаться.

– Боже...

Володя положил трубку, Инна была в полном ошелом-

лении. Что это? В респектабельном салоне красоты? Убийство? Убили милую, культурную девушку? При всех?

Она очень четко представила себе Иру, с белыми, под Мэрилин Монро волосами, серыми глазами, пухлыми улыбочивыми губами, тонкой шейкой, всегда затянутой талией, тоже тонкой... Кому она помешала? Какие у нее могут быть враги?

Вдруг ярко, как отрывок фильма, всплыло из памяти воспоминание. Она по какому-то поводу заехала к Владимиру в салон. Звонить в дверь не пришлось: кто-то вышел, она вошла. Владимира на месте не оказалось. Иры тоже. Инна прошла в коридор, который вел в комнату отдыха, и услышала голоса в подсобке, где мастера хранили препараты. Невольно прислушалась, потому что узнала голос Иры. Она говорила:

– Я уверена. Задержка десять дней.

– Слушай, мне некогда. Все бывает, – произнес мужской голос.

Из подсобки быстро вышел Арсений, хозяин салона. За ним Ира. Она кусала губы, чтобы не заплакать. Инна с ними поздоровалась. Администратор сказала, что Володя пьет чай в комнате отдыха. Инна туда и направилась. У мужа на работе редко было свободное время, он даже не обедал, иногда пил чай или кофе с бутербродами, а полноценно ел только вечером, дома. Инна вспомнила, почему она тогда приехала. У среднего сына возник конфликт с учительницей географии. Он «в неподобающем тоне», как женщи-

на сказала, доказывал при всех, что она не права. Она действительно была не права. Славик любил и знал географию, мечтал стать путешественником, но... Якобы подорвал авторитет учительницы, исправив какую-то неточность в ее речи. Инна не понимала, с какой стати ее ребенок должен оберегать авторитет учителя, если тот чего-то не знает. Но географичка была теткой злой, поэтому Инна и решила послать в школу Владимира. Он все сумеет дипломатично решить. Иначе выше тройки эта женщина Славику ставить не будет. Поэтому, сосредоточенная на своих проблемах, Инна тут же забыла о разговоре Иры с Арсением. А сейчас вспомнила. Плохая ведь была сцена. Определенно, Ира говорила о том, что она беременна от начальника, а ему это очень не понравилось. А теперь девушка убита. Если Арсений ее не заставил сделать аборт, прошло месяца три с тех пор. Вдруг она решила оставить ребенка?

Должна ли Инна кому-нибудь рассказать об этом или нет? Арсений женат. У него большие связи. А важны ли подробности личной жизни Иры следствию? Что это им даст? Ире уже не помочь, зачем ворошить грязное белье? Но все это как-то не так, неправильно. А вдруг Арсений... Не сам, а нанял кого-то. И это значит, что такой вариант может быть еще. И у Володи с начальником плохие отношения, это все знали. Арсений, с одной стороны, держался за него, как за приманку для своего салона, с другой – все время пытался построить, унижить.

Как поступить? Посоветоваться с мужем? Нет, этого точно не стоит делать. Владимир может сразу принять резкое решение, заставит ее все рассказать, а вдруг потом окажется, что Арсений ни при чем, ну, не убийца же он на самом деле! Но мстить может начать. То, что по карману ударит, – это без сомнений. Он и так это постоянно делает. То на то вычитает из зарплаты Володи, то на это...

Инна влезла в джинсы, накинула джемпер и пошла на улицу за ребятами. Был яркий, солнечный день, пока она шла и наслаждалась свежим воздухом, в кои-то веки на самом деле свежим, – успокоилась. Просто выдалось плохое утро. Ей все казалось, она сделала ошибку с этими своими откровениями, но, возможно, то есть, скорее всего, все уже забыли. У людей свои проблемы. Ужасно, что погибла хорошая девушка, но это все же совершенно чужой человек. И пусть ищут следователи, это их работа. Возможно, они уже кого-то поймали или подозревают. Может, у Иры был ревнивый парень, может, она шантажировала беременностью не только Арсения. Инна спокойно приняла изменение акцентов в собственных размышлениях. Всего лишь здравомыслие. Сначала, на нервах, она представила себе жертвой Иру. Но ее не вернешь. И теперь ей кажется, что Арсений мог быть жертвой в той сцене... Шантаж. И к убийству это не имеет никакого отношения. Он работодатель ее мужа, в конце концов. Вредить ему – вредить своей семье.

Инна увидела, как бегают, прыгают на спортивной пло-

щадке ее сыновья, и залюбовалась. Такие красивые мальчишки. Рожать детей нужно от красивых и порядочных мужчин. Вот это она и напишет в завершение своей семейной темы. И выложит снимки детей и мужа. И пусть ей завидуют. А в том, что немного поныла, — в этом ничего страшного. Она объяснит. Чтобы счастье не сглазить.

Глава 13

Ксения влетела в салон, запоздало сообразив, что ей открыли до того, как она позвонила. И поняла: что-то случилось. Все сотрудники собрались в холле, и лица у них были мрачные и испуганные. За столом сидели люди, и, хотя они были в штатском, Ксения сразу поняла, что это, конечно, полиция. Первой мыслью, конечно, было, что это засада как раз на нее. Она попыталась поскорее выйти, пока ее не заметили, но было уже поздно, у двери ее перехватил какой-то тип и сказал: « Попрошу остаться».

– С какой стати ты меня тут о чем-то просишь? – на всякий случай возмутилась Ксения, но, понимая, что деваться некуда, отступила и решила вести себя потише.

Она подошла к маникюрше Ларисе:

– Чего тут у вас происходит?

– Иру убили.

– Да ты что! А почему меня впустили и не выпускают?

– Всех опрашивают – и сотрудников, и клиентов. Может, кто-то видел или слышал что-то. В общем, вдруг Ире угрожали, и все такое. Понимаете, такая глупость с нашей стороны. Ирочка с утра жаловалась на плохое самочувствие. И когда мы увидели, что она положила голову на руки и как будто задремала, мы старались близко не подходить, чтобы не разбудить. Сами встречали клиентов.

– Что за идиотизм? Когда это Ира на работе спала?

– Да в том-то и дело, что в последнее время не раз это бывало. Между нами, мне казалось, она в положении. Она обедала хлебом с малосольными огурцами. На сонливость жаловалась. И слегка поправилась. Но она ничего не рассказывала, никто к ней с вопросами не лез.

– Ты это рассказала полиции?

– Меня еще не опрашивали, но скажу, конечно. Не скрывать же. Тем более это все равно установят, если так и есть.

– Ну да. А у нее кто-то был?

– Не знаю, – сказала Лариса, но тут ее позвали к следователю, и она отошла.

Ксении тоже задавали много вопросов: что знает об Ире, кого рядом с ней видела, что слышала... Она отвечала односложно, а когда потребовали уточнений, Ксения решительно заявила волевым тоном:

– Извините, но вы хорошо понимаете, чем клиент отличается от обслуживающего его персонала? Тем, что он просто получает услугу, платит и уходит. Это все. Почему я должна знать какие-то подробности жизни администратора? А сейчас я потеряла много времени, поскольку сегодня, конечно, ждать своего мастера не буду, и скажите вашему человеку, который выход охраняет, чтобы меня выпустили. Я очень занята.

На нее посмотрели равнодушно и протянули ручку и бумагу, на которой она написала свои координаты и постави-

ла подписать под фразой протокола «Ничего не знаю». Ксения пошла к выходу, немного медленнее, чем обычно. Обратила внимание на напряженное лицо Владимира, который что-то тихо говорил снежной бабе с красными щеками и кудряшками, Валентиной ее, кажется, зовут, она тут практически каждый день околачивается. Обычно довольная, добродушная, а сейчас на парикмахера вроде шипела. Надо потом узнать, в чем дело. И вообще интересно, что случилось. Только валить от таких проблем нужно побыстрее и подальше. Особенно ей.

Ксения вошла в квартиру под какую-то идиотскую песню из телевизора. Сбросила туфли, швырнула на тумбочку куртку и вошла в спальню. Телевизор гремел именно там. Нарцисс лежал на кровати, как будто модель на картине. Раскинулся всеми своими живописными частями тела. Как всегда, одетый только в маленькие плавки, хотя в квартире было прохладно. Но он считал, что тело должно дышать. Он много всего считал по поводу своего тела. И вытираться после душа, как обычному человеку, ему вредно: он промокал себя полотенцем. И спать нужно как можно больше, и ходить по квартире босиком, ради чего ему не лень было каждый день мыть пол. Но это опять же было связано и с тем, что тело должно дышать. В общем, нормальные такие тараканы для мужика, который зарабатывает внешностью. «Модель, ешкин кот», – добродушно подумала Ксения и выключила телевизор.

– Ты чего? Ты зачем выключила? – Нарик изо всех сил таращил сонные глаза, чтобы она не догадалась, что он крепко спал. Он очень боялся, что подруга будет считать его тупым: он не читал ничего, не любил театры и концерты, а под телевизор засыпал. Нарик не был тупым на самом деле. Просто уставал: много сил и времени отнимали тренировки, уход за собой, много нервов уходило на отношения с авторами проектов. Ему навязывали разные образы, если выходило не то, обижали, обращались, как с рабом. Иногда, выпив, под хорошее настроение Нарик любил поговорить, что его работа – это работа актера. И сам в это верил. И, наверное, так оно и было, только с ними не считались, как с актерами. Модели для фотографов, постановщиков, режиссеров, модельеров были все же куклами-манекенами. Но у Нарцисса был спокойный характер, без гонора. Он мог сказать себе: «Ну и что? Я от этого не стану хуже».

– Эти вопли драных кошек слышны на площадке. Не слышишь только ты. Ты можешь спать даже во время землетрясения.

– Ну, задремал, – добродушно зевнул он. – Ты опять какая-то взвинченная. Где была?

– В своем салоне красоты.

– О нет! Только не говори, что на твоих глазах опять кого-то задавили.

– Почти. В салоне убили девушку. Иру. Администратора.

– Кто убил?

– Умный вопрос. Откуда я знаю! Никто пока не знает. Я приехала, а там всех допрашивают. Ее уже увезли.

Ксения плюхнулась на кровать, крутой бок Нарика был для нее, как спинка дивана.

– Послушай, – рассудительно сказал Нарцисс. – Даже если бы в Москве был один салон, я бы тебе сказал, что он слишком странный. Убийство девушки прямо на рабочем месте – это вообще ни на что не похоже. Но я открою тебе тайну. В Москве полно салонов красоты. Только я хожу в три, к разным мастерам. Может, забудешь этот, и я завтра тебя отвезу туда, где никого не дают и не убивают.

– Странный ты. И все-таки тормознутый. Что случилось, то случилось. И могло такое случиться где угодно. В любом из твоих салонов тоже. Может, и случается. Только ты никогда не заметишь. На то ты и Нарцисс. А я хочу узнать, в чем дело. Например, девушка была вроде беременная.

– Хозяйдя! Ты-то здесь при чем? – фыркнул Нарик.

– Понимаешь, есть такое слово «интересно». И все. Надо узнать. А сейчас я есть хочу.

– Мне лень было сегодня заходить в магазин, пришел домой, а тут нет даже хлеба. Я сварил пшеничную кашу.

– Фу, какая гадость.

– Нет, ты не в курсе. Меня бабушка научила делать не кашу, а восторг. Сварил, потом налил сливки, добавил соли, немного сахара, подержал в духовке. Еле себя оторвал. Тебе оставил.

– Да? Я, по правде, и не помню, что это такое. Но мне понравилось то, что ты рассказал. Пойду, доем.

– Давай. И быстрее ко мне возвращайся. Только включи телевизор. Я его смотрел. Прямо перед твоим приходом задремал. Кстати, слышал новость. Та женщина, которую сбили у твоего салона, ну, ты видела, – так она умерла в больнице. Ребенок жив.

– Да? – переспросила Ксения бесцветным голосом. И сразу ушла в кухню.

Она достала из духового шкафа, который, как считал Нарик, полезнее микроволновки, красивый котелок из синего кобальта. Там золотилась и действительно здорово пахла каша, запах как будто залетел в гости из далекого-далекого детства. Ксения сумела проглотить две ложки. Хотя это было реально вкусно, но аппетит пропал. Просто день плохой. Она открыла бар, налила себе стакан виски и выпила его залпом. Посидела немного в тишине, положив голову на руки, подождала, пока потеплеет все внутри. Потом резко поднялась, вошла в спальню. Опять выключила телевизор. Нарик демонстративно потянул носом. У него было хорошее обоняние, он почувствовал запах спиртного. Удивился. Странно. Могла бы ему предложить. Ксения стала слишком нервной. А она вдруг широко улыбнулась.

– У меня шикарная идея. Устроить вечеринку типа шабаш. Но позвать, конечно, не зануд из моего офиса и не твое модельное агентство, которое тонет в сплетнях и змеином

яде. Давай пригласим простых людей: парикмахеров, маникюрш, педикюрш, знакомых из наших салонов. Или даже незнакомых. Чтобы оторваться, отвлечься, развлечься. Над кем-то пошутить. Я придумаю такой сценарий! Тебе понравится.

Нарцисс посмотрел на Ксению немного настороженно. Да, ей с ним скучно. Но в этом нет ничего страшного. И почему бы не устроить действительно шабаш с людьми, которых почти не знаешь, которых всегда можно поменять на других. Это ведь хорошая мысль: не приглашать никого из тех, с кем непременно потом придется встречаться. Развлечься легко. Посмотреть на ее сценарий. Что у нее в голове.

– А что, давай! Где? Здесь?

– Ты что! В моем загородном доме. Надо только кого-то нанять, чтобы там убрали. Ну, отопление включили, воду. Я полгода там не была.

Ксения никогда не говорила с Нарциссом о своих родителях. Когда они познакомились, она жила вдвоем с бабушкой в большом доме в дальнем Подмоскowie. Это был небольшой, живописный, очень тихий поселок. Бабушка умерла больше полугода назад. Ксения вступила в права наследства. Но жила у Нарика и в дом не ездила.

– Слушай, я вообще забыл, что ты у меня домовладелица. Мне нравится то, что ты придумала. Если, конечно, ничего сумасшедшего...

– Только не надо. Постараюсь, чтобы все было именно су-

маспедшим.

Глава 14

Вера себя не узнавала. Скромная, тугодумка, флегматичная, сейчас она просто смотрела как будто со стороны, как похожая на нее женщина – с голубыми глазами и красивой прической – не просто настойчиво, а неотвратимо навязчиво общается с незнакомыми, занятыми людьми – сотрудниками больницы. Они сначала просто ее прогоняли. Она кого-то уговаривала, кому-то что-то объясняла, немного подвирая, и сама удивлялась, как здорово у нее получается. Потом она требовала телефоны руководства, не очень грубо, но, по ее мнению, – скандалила, затем опять уговаривала. Заведующий отделением, который сначала был нервным и резким, даже угрожал вызвать полицию, если она не уйдет, через пару часов привык к ней. Старшая медицинская сестра, которая сначала была законченной истеричкой, со временем повелась на какой-то разговор и смотрела на Веру почти с симпатией. Медики стали охотнее и быстрее выходить на ее звонки в дверь отделения.

Наконец, когда Вера устроилась за дверью на подоконнике, давая понять, что она тут вообще поселилась, заведованием Егор Григорьевич вышел к ней вообще без звонка.

– Как вас зовут?

– Вера.

– Вера, приоткройте окно, я покурю здесь. Устал. А зна-

ете, – вдруг рассмеялся он. – Вы, наверное, сделали сегодня мой день. Тяжелая эта история с осиротевшим ребенком. Операция. В таких случаях нельзя думать, что будет с ним, когда за ним приедут. Что будет, то и будет. И вдруг является, как я понимаю, совершенно посторонняя девушка, то, что вы сначала мне рассказывали о знакомстве с этой семьей, после первых же моих вопросов оказалось откровенной ложью. Охраны у нас нет, вместо нее бабушка-гардеробщица, ей вы тоже наврали, что договорились со мной. Ну, она у нас вообще не монстр, не привыкла к тому, чтобы ей врили. Ну, и теперь вы здесь будто поселились. Я сейчас, увидев вас на подоконнике, уже почти обрадовался. Бывает же что-то постоянное на свете. И вспомнил старую, грубоватую шутку от лица женщины: «Он такой нудный, что ему легче дать, чем объяснить, что ты его не хочешь». Извините. Я вас не обидел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.